

18+

Александр Тебеньков

Темна вода во облацех

Научно-фантастический роман

Александр Федорович Тебеньков
Темна вода во облацех.
Научно-фантастический роман

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31508696
ISBN 9785449066817*

Аннотация

Новый роман является продолжением НФ романа «Сны во сне и наяву». В провинциальной лаборатории Баринов близко подходит к разгадке некоторых способностей экстрасенсов. Подобные исследования в СССР засекречены и спецслужбы заключают его в современную «шарашку», где эти работы ведутся. Старый сослуживец, а ныне руководитель Банник не только сам обладает способностями к телекинезу и пирокинезу, но и видит «чужие» сны – эпизоды из жизни людей, живших в далеком прошлом...

Содержание

Глава 1	5
1	5
2	10
3	24
4	40
Глава 2	48
1	48
2	58
3	64
4	75
Глава 3	83
1	83
2	87
3	99
4	107
Глава 4	111
1	111
2	121
3	130
Глава 5	139
1	139
2	149
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Темна вода во облацех Научно- фантастический роман

**Александр
Федорович Тебеньков**

© Александр Федорович Тебеньков, 2018

ISBN 978-5-4490-6681-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

1

Потолок проявился так, как и положено после наркоза – чуть смутно и не в фокусе, но через три-четыре секунды поле зрения расширилось до нормального, и он приобрел реальный вид... Буквально только что перед глазами подрагивала светло-серая потолочная обивка фургона «Скорой помощи» и вот – на тебе! – высокий беленый потолок больничной палаты.

«Лихо, очень даже лихо работают ребята! – подумал Ба-ринов. – Я, конечно, не анестезиолог, но все ж таки в наших клиниках похожих препаратов точно не имеется».

А про больничную палату он подумал чисто интуитивно, продолжая ассоциативный ряд.

Стараясь не крутить головой по сторонам, чтобы не давать лишний козырь тем, кто может за ним наблюдать, он, спустив ноги на пол, сел. Словно продолжая находиться в ступоре, скрестил руки на груди и тупо смотрел прямо перед собой, тщательно имитируя «состояние не стояния». Мол, дайте прийти в себя, а вы уж регистрируйте мои реакции на новое место нахождения и на новый статус.

Палата одиночная и весьма специфическая. И явно

не минздравская, скорее, узковедомственная... Ну да, особенно если вспомнить, как он здесь очутился.

Большое глухое окно с матовыми стеклами, наверняка небьющимися, перед ним металлический стол и такая же табуретка, наглухо прикрученные к полу, напротив кровати дверца встроенного шкафа без ручки, но с вырезом для пальцев... Вот, собственно, и вся обстановка. Ах, да, само лежбище. Широкая кушетка или тахта, тоже металлическая, и тоже не сдвигаемая, по бокам лежанки поблескивают никелированные крепления для ремней фиксации. Ни подушки, ни простыни, ни одеяла – лишь упругий матрас с подголовником, на нем сменный чехол из плотной серой бязи...

Та-ак... а где же дверь? А-а, вот и она, как и положено, напротив окна. Пригнана неплохо, если бы не едва заметная щелочка по краям, да круглая замочная скважина, догадаться затруднительно. Дверной-то ручки нет!

Его переодели, и на нем, скорее всего, больничная пижама – синяя куртка запаха без завязок и без карманов, широкие штаны на резинке. Нижнего белья не чувствовалось. Он пошевелил пальцами ног – и босиком.

Так-так-так!..

Но и переигрывать не следует. Можно начинать «приходить в себя».

Рекогносцировка сделана, с большей точностью определиться все равно не получится. Зато сознание чистое, ясное, голова как стеклышко, и более-менее понятно, что последует.

ет дальше и как при этом нужно держаться. Ну а уж стиль общения придется выбирать на ходу, в зависимости от того, кто сейчас к нему пожалует – сам «хозяин» или его «шестерка»... Ладно, симпровизируем, чай, не впервой!

А сейчас самое время сыграть «на публику», демонстрируя и испуг, и растерянность, и свое деморализованное состояние. То есть то, чего от него ждут... Итак, начинаем *спектакль одного актера*. Можно без аплодисментов и выхода «на бис».

Баринов поднялся, теперь уже по-настоящему принялся осматриваться.

Первое впечатление не обмануло, просто открылись новые детали.

Стандартный светильник из двух люминесцентных ламп утоплен в потолок и закрыт прозрачным материалом, видимо, небьющимся. Такой же светильник, но размерами поменьше, точно так же размещен в стене у изголовья кровати. Забавно, что выключателей нигде не видно... Стол и табурет действительно крепились к полу... А вот и первая неожиданность – за небольшой дверкой с вырезом для пальцев оказался не стенной шкафчик, как думалось, а очень даже прилично оформленный санузел. Присутствовал умывальник из нержавейки с рычажным краном, напольный душевой поддон, задернутый прозрачной пластиковой занавеской, а также металлический унитаз, напоминающий аналогичный прибор в самолетах. Ни зеркала, ни полочек или

шкафчиков, положенных в подобных местах, равно как мыла, мочалки, полотенце и зубной пасты, не просматривалось, лишь на закрытой крышке унитаза сиротливо розовел начатый рулон туалетной бумаги.

«Ну, ладно, с этим делом погодим, – усмехнулся про себя Баринов. – Как говорят в народе, время в сортир, но мы не ели!»

И повторил то же самое вслух, громко и отдельно, только в более грубой и вульгарной форме. Опять же, из расчета *на публику*. Не может такого быть, чтобы его не наблюдали, в крайнем случае, не слушали. Он еще раньше отметил подозрительные вентиляционные решетки под потолком – две штуки в санузле и аж три – собственно в палате.

Не торопясь, умылся по пояс, попутно обследовал локтевые сгибы. Точно, четыре дырки, причем одна совсем свежая. И это не считая двух внутримышечных инъекций, которые он точно помнил. Серьезная заявка... Поколебавшись, вытерся полой пижамной куртки – а чего тут перед ними стесняться? – и вышел в палату, подспудно ожидая чего-нибудь новенького.

Так и есть – у входной двери, по-прежнему закрытой, стоял сервировочный столик на колесиках.

– Наконец-то догадались, – чуть брезгливо сказал он. – Учи тут вас хорошим манерам. В приличных местах, например, так положено: напои, накорми, спать уложи – а уж потом разговоры разговаривай.

Ни вилки, ни ножа в этом заведении не полагалось, пришлось управляться ложкой. Обед оказался так себе, хотя съедобен: салатик из свежих огурцов с помидорами, куриный суп-лапша, гуляш с гречкой, четыре приличных ломтя пшеничного хлеба, компот из сухофруктов. Прилагалась даже прохладная бутылка пива «Tuborg» – то ли датского, то ли голландского, Баринов не знал, да и раньше пробовать не доводилось.

Оказывается, он в самом деле проголодался, не оставил на тарелках ни крошки. Пиво, естественно, выпил, а компот лишь пригубил и отставил – сейчас бы пару чашечек черного кофе! И, пожалуй, сигарету...

Но тотчас же накатилась сонливость. Да такая, что он на ватных ногах едва добрался до туалета, а потом буквально рухнул ничком на свою тахту-топчан и мгновенно провалился в сонное беспамятство.

Правда, напоследок успел подумать обрывочно: «Чего они там намешали?.. Эх, потерял-таки бдительность, черт...»

Открыл он глаза в той же палате, только за оконным стеклом на этот раз была темнота. Верхний свет не горел, зато светильник в стене у изголовья давал вполне приличное освещение, можно было бы даже читать. Имелось бы, что.

Сервировочный столик, на который он успел составить использованную посуду, из палаты исчез...

Ха, а что это на столе? Никак, книга?

Он поднял увесистый том и не выдержал, расхохотался во все горло. Не на публику, для себя.

– Ах, Федор Михалыч, Федор Михалыч! – сказал он громко, отсмеявшись вволю. – Писали себе и писали, и не подозревали, насколько буквально будут некоторые воспринимать ваши произведения... Надо же, в психушке подкидывать пациентам «Идиота»!

По зрелому размышлению под душ он решил не лезть – вытереться по-прежнему было нечем, лишь умылся. С неудовольствием пощупал щетину – трехсуточная, никак не иначе. Ну и ладно, примемся отращивать бороду. В студенческие годы такая мыслишка появлялась, но в институте «растительность на морде», как выражался их замдекана, не приветствовалась, да и Лиза возражала. А сейчас – можно. Тем более, предпосылки для этого имеются.

Баринов лег на кушетку, закинул руки за голову. Без по-

душки неудобно и непривычно... Однако, кто ж его спрашивает? Значит, пока прогнемся под окружающую среду. Хорошо, температура в палате приемлемая, ни одеяла, ни простыни не требуется.

Итак, что имеем в сухом остатке?..

Внешнюю канву событий восстановить нетрудно. Там, на дачной веранде, Шишок выстрелил струей нервнопаралитического газа, а уже в машине ему ввели изрядную дозу спецкоктейля из неведомых препаратов, отключив от действительности.

Возможность кое-что видеть и слышать он получил только в аэропорту «Манас». Здесь в сопровождении молоденькой медсестры и двух санитаров его в инвалидном кресле под видом тяжелобольного погрузили в утренний московский самолет, а в Домодедово прямо на летном поле уже ждала карета «Скорой помощи». Там уложили на носилки и снова вкололи пару кубиков – тоже для полной отключки...

Очнулся он уже здесь, в ведомственной спецодиночке.

Это, так сказать, видимая часть айсберга. На эксцесс исполнителя явно не тянет, значит, было соответствующее указание. Шишок, помнится, проговорился, что у него-де приказ, и он тот приказ выполнит... А вот в чем суть-то этого действия, в чем соль? Чего хотят от него добиться?

Как-то не складывается картинка. Стыковки нет. Цель не пропорциональна средствам.

Подумаешь, отказался работать в определенных структу-

рах над определенными научно-прикладными темами. Подумаешь, не согласился передать «чужому дяде» наработанные материалы экспериментов пусть по очень важной, но все же частной проблеме, представляющей на сегодняшний день исключительно и только академический интерес. Подумаешь, проявил неуважение к личности, которая мнит себя великим ученым, почти гением...

Нет, разумеется, нет! Это не причины, чтобы вот так нагло и открыто похищать человека. Форменный киднеппинг какой-то.

Да и, прямо скажем, умыкнули не какого-то Васю Лоханкина из Молдавановки или Кызыл-Аскера, на которого всем сугубо наплевать... Во-первых, человек в научных кругах вполне известный, во-вторых, партийный функционер республиканского масштаба. Академическая и партийная номенклатура, как-никак. И свидетелями его похищения становятся тоже довольно-таки значимые люди: заместитель директора НИИ из Академгородка, обладающий влиянием и разнообразными связями в научном сообществе, а также ведущий патологоанатом республики, который имеет авторитет и известность не только в медицине, но и в правоохранительных органах Средней Азии. Рискованное занятие, одним словом... Причины должны быть очень, ну просто очень веские.

Разумеется, сразу можно предположить, что это изощренная месть обыкновенного психа. Ну, сорвало Банника с на-

резки, всерьез и окончательно, а параноик при власти может натворить такого, что ой-ё-ёй! Знаем, проходили... Но данная версия слишком тривиальна, проста и банальна до скукоты. Да и Банник не производит впечатления свихнувшегося гения, «*mad scientist*», так сказать. Абсолютно адекватен, разумен и по-своему логичен, хотя стопроцентно *идефикс* исключить, разумеется, нельзя. Кроме того, от безумца, как и от лома, нет приема – окромя другого лома. А это неинтересно.

Ergo, рассмотрим другие варианты. Их немного, и все из сферы профессиональной деятельности.

«Зарубил» чью-то диссертацию?.. За последние годы он дал отрицательный отзыв только на две – одна пришла из Ташкента, вторая из Томска: мелкотравчатые, компилятивно-беспомощные, возвращенные в тамошних медвузах. И связь соискателей с Банником, с серьезной наукой вообще, крайне сомнительна.

«Подсидел» кого из банниковской банды?.. Да, были приглашения из Москвы, Питера, Новосибирска и Ташкента, но не настолько привлекательные, чтобы сломя голову менять шило на мыло. То есть, никому дорогу не перебежал. Администрирование – не его профиль. Да здесь, в Киргизии, он еще лет десять назад мог бы спокойно сесть на место Салиева и директорствовать – хоть в полный рост, хоть вприсядку.

Значит, все ж таки причина в тематике лаборатории. Ин-

ститута – едва ли, тогда бы за жабры взяли кого другого, хотя бы того же Наиля.

Баринов мысленно пробежался по лабораторному тематическому списку – в том виде, в котором он вошел в общую тематику института, а далее в положенном порядке был согласован и утвержден соответствующими инстанциями. Человек грамотный, безусловно, понял бы, что де-факто не лаборатория существует для института, а институт для лаборатории. Криминала в том никакого, обычная практика академических некрупных НИИ. И в самой тематике, даже на сверхпридирчивый взгляд, не содержалось ничего взрывоопасного, идеологически невыдержанного, покушающегося на основы миропорядка...

Таким образом, круг замкнулся, и, стало быть, Банник не врал – все дело в «эффекте Афанасьевой».

Так что же это за эффект такой, что ради него и из-за него задействованы такие силы, такие средства, такие мощности? Как-то несоразмерно: из «Града» – по тушканчикам... Или он, Баринов, совсем нюх потерял?

Итак, «эффект Афанасьевой».

Действительно, с самого начала сны Нины Васильевны Афанасьевой выбивались из привычного набора жалоб потенциальных подопытных и пациентов. Сны необычные, странные, никак не подпадающие под классическую классификацию и никак классической же наукой не объясняемые. Чем и стали для него интересными. Но, и необходимо

это учесть, пока лаборатория занималась только и исключительно исследованием их природы, никто никаких претензий ему, Баринову, не предъявлял. Хотя, на карандаш взяли. Как Банник выразился по поводу Афанасьевой: «Надо было ее забрать у тебя еще год назад – и кончились бы все проблемы»... Не дословно, но смысл такой.

Получается, что его работу кто-то постоянно отслеживал. Не совсем тщательно, к слову, но все же... Интересно, откуда и через кого шла утечка?

Значит, пока он тешился только снами Афанасьевой, его оставляли в покое. Но стоило выявить ее способности к целительству, а затем к лозоходству и ясновидению – замигал красный свет. И та комиссия, что явилась проверять работу института, вполне могла быть первым звончком, которого он, к сожалению, не распознал. Впрочем, что бы это изменило?.. А затем подключились главные силы. После чего? А после неожиданного и внезапного отождествления содержания одного из снов Нины Афанасьевой с жизнью и смертью реальной и конкретной Марии Запеваловой.

Логично? Логично!

Кстати, до Банника данная информация дошла спустя пару месяцев, а такая наиважнейшая, как трагическая гибель подопытной в автомобильной катастрофе, непростительно запоздала. Из этого факта попутно можно сделать утешительный вывод: «стукач» не в институте, не в ближнем окружении. И это уже хорошо и здорово!..

Поехали дальше.

В запальчивости Николай Осипович сболтнул, что сам видит подобные сны, то есть обладает таким же даром ясновидения. Но этим не ограничился, а весьма и весьма опрометчиво продемонстрировал свои, прямо скажем, крайне неординарные способности – взглядом поджег бумагу, взглядом сломал стрелку настенных часов, взглядом же заставил его, Барина, сначала ощутить болевой шок, а затем впасть в состояние, близкое к эйфории пополам с просветлением.

И тут возникает интересный вопрос: что, эти, явно паранормальные способности обеспечивает ему именно «эффект Афанасьевой»?

Предположение интересное, но... опять как-то не стыкуется. В огороде бузина, в Киеве дядька.

Нет стыковки. Нет. А должна быть.

Вообще же рассуждать, думать, анализировать Барин привык на ходу. И дома, и на работе он при этом прохаживался по кабинету, не сидел за столом и уж, разумеется, не отлеживал бока на тахте. Вот и сейчас он то и дело порывался подняться, хотя бы разок пробежать туда-сюда по палате, но каждый раз одергивал себя, опять же, следуя той самой игре, которую затеял с самого начала. Если здешнему персоналу известны его основные привычки и наклонности, то необходимо, временно конечно, от них отказаться. Пусть думают, что клиент серьезно выбит из колеи, полностью апатичен и настолько деморализован, что его поведение резко

отличается от обычного. И что именно сейчас надо брать его, субчика, голыми руками... А он пока поразмышляет и в горизонтальном положении, от него не убудет...

Нет, не стыкуется, никак не стыкуется...

Стоп! Ну как же, как же! Как же он забыл, что именно самой Афанасьевой удалось сделать за секунду до смерти! Ведь собственными глазами он видел, как ползущий поперек шоссе тяжелогруженный грузовик вдруг дернулся и завалился направо, словно получив мощный удар в обращенный к ним бок...

Нет, лежать больше сил не было.

Баринов резко поднялся, неспешными шагами несколько раз промерил палату из угла в угол. Остановился перед темным окном, прижался лбом к прохладному стеклу, даже прикрыл глаза.

«Итак, в качестве рабочей гипотезы принимаем, что все дело в „эффекте Афанасьевой“. Собственно, даже не в нем. Банник почему-то уверовал, что я либо разобрался в эффекте, либо очень близко подошел к его разгадке... И теперь предстоит решить такой вопрос: или я в переговорах с ним блефую – или придерживаюсь истины... Н-да-а, проблемка... Помнится, у какого-то американского фантаста есть рассказ „Честность – лучшая политика“, так в нем герой, придерживаясь формально абсолютной правды, одерживает блистательную победу над жестокими и кровожадными пришельцами. Но это, черт его дери, в фантастическом расска-

зе...»

Он снова принялся прохаживаться из угла в угол хоть и одиночной, но просторной палаты-камеры.

Мягкий бестеневой свет внутристенного светильника настраивал на рабочий лад, а вот неестественная тишина раздражала и отвлекала. Мало, что извне не доносится ни звука, так и собственных шагов не слышно – босиком, да по упругому ковровину... Он попробовал насвистывать на ходу – стало еще хуже.

«А, ладно, чепуха! Как-нибудь, – отмахнулся он от перебивших размышления мыслей. – Будем считать, что я в сурдокамере, вроде космонавта...»

На середине комнаты его неожиданно шатнуло в сторону, потом в другую... Он сделал по инерции еще пару неровных шагов и удержался на ногах, упершись обеими руками в стену. В глазах темнело, мозг туманился, мышцы словно превращались в кисель – так резко и внезапно, вдруг, наваливался сон. Почти так же, как прошлый раз, однако сейчас добраться до тахты он при всем желании и напряжении сил уже бы не смог. Да и сил осталось только подумать: «Снотворное? Так я ничего не ел и не пил... Газ? Но запаха нет...» и не упасть, а мягко осесть на пол.

То, что уснул на полу, Баринов помнил отчетливо. И сам момент засыпания, и то, что ему предшествовало, в памяти отпечаталось четко.

Однако проснулся-то он на «своей» тахте!..

Ладно. Все проблемы, конечно, должны решаться по мере их возникновения, однако прежде необходимо привести себя в порядок.

Уже привычно он прошел в санузел, и на пороге даже при-свистнул. Ведет он себя хорошо, *правильно*, и вот – заслужил! Здесь появилось большое банное полотенце, шампунь, мыло и мочалка. Но самое главное, на унитазной крышке аккуратной стопочкой выложены темно-синий тренировочный костюм из тонкой шерсти, трусы-плавки, майка и пара носков, рядом на полу стоят полукеды... Ну что ж, спасибо и на этом.

Игнорируя вентиляционные решетки, он с удовольствием поплескался под душем, досуха вытерся настоящим китайским махровым полотенцем... Эх, бритву бы еще!

Все, включая полукеды, оказалось нужных размеров. Все новое, только что без торговых ярлыков, качественное и солидное, не дешевый ширпотреб.

Ну что ж, события развиваются вполне логично, и в палате его должен ожидать завтрак.

Но вчерашнего – а точно ли вчерашнего? – столика в палате не оказалось. Кстати, и окно по-прежнему темное, ночное. Уж не сутки ли он проспал? Судя по тому, что голод вполне терпим, едва ли... Часов, естественно, нигде нет, сплошное безвременье.

Хорошо, будем ждать. Ждать и размышлять, уж этого-то

у него пока не отняли.

Баринов сел на табуретку перед пустым столом, облокотился на столешницу. И машинально отметил – давешний томик Достоевского почему-то изъяли.

Эх, самое время для чашечки кофе!.. И сигаретку бы. И от рюмочки коньяка он бы не отказался. А лучше – стакан. Не граненый, а тонкий чайный – да «с мениском»...

Ни малейшего шороха он не слышал, но вдруг почувствовал, что за его спиной что-то изменилось. Медленно, очень медленно, сдерживая себя, он повернулся.

В полумраке дверного проема стоял человек, за спиной, по бокам, виднелись еще два силуэта.

По законам жанра положено было бы спросить, грубо так, по-хамски: «Ну, чего надо? Кто такие?», переслоив двумя-тремя матерками, и тем самым сразу же обострить ситуацию. Но, откровенно говоря, в первое мгновение Баринов растерялся – реакция на подобные штуки смолоду была замедленна, а спустя еще секунду такой демарш просто терял смысл. Потому что человек, переступив порог, остановился и вежливо склонил голову в полупоклоне.

– Здравствуйте, Павел Филиппович. Мы с вами были когда-то знакомы – Долгополов Валерий Иванович. Вы – выпускник, я – студент третьего курса, в один день делали свои сообщения на научно-практической конференции биофака МГУ. Может, помните?

Баринов секунду смотрел на него прищурясь, потом

неопределенно кивнул.

– Ну и что?

– Да нет, ничего, – пожал плечами Долгополов. – Мне казалось, вам будет любопытно.

– Да, я любопытен, – усмехнувшись, согласился Баринов. – Поэтому у меня к вам два вопроса и одна просьба. Первый – где я нахожусь? Второй – каким образом меня дважды за последнее время усыпили?

Долгополов самым приятнейшим образом улыбнулся и покачал головой. Видимо, что-то подобное он ожидал.

– Извините, Павел Филиппович, на данные вопросы я отвечать не уполномочен. – И словно смягчая свои слова, чуть ли не заискивающе наклонил голову набок. – Ну а просьба? Чем могу...

– А просьба простая. Передайте, пожалуйста, Николаю Осиповичу, что при первой же встрече я с превеликим удовольствием набью ему морду.

Как и ожидалось, Долгополов смутился, закашлялся, будто поперхнулся, и при этом непроизвольно покосился вверх, на вентиляционную решетку. Баринов повторил его взгляд, но уже демонстративно, чем заставил его смутиться еще больше.

– Гм-гм, – еще раз откашлялся Долгополов. – Хорошо, хорошо, я постараюсь... Но, собственно, зачем я пришел. Собирайтесь, Павел Филиппович, провожу вас в ваши апартаменты.

– Вот как? А это что? – Баринов сделал указательным пальцем вращательное движение.

– Это? Обыкновенный бокс изолятора. Извините, другого помещения не нашлось, события были... э-э, несколько форсированы...

Баринов усмехнулся.

– Понятно. Значит, на выход с вещами.

Но Долгополов сделал вид, словно не понял.

– Нет-нет, пижаму оставьте, она вам больше не пригодится. – Он сделал приглашающий знак рукой в сторону двери. – Прошу вас!

Пройдя между отступивших в стороны рослых фигур в белых халатах, будто мимо неодушевленных предметов, Баринов снова пошутил:

– Руки за спину, лицом к стене?

На этот раз Долгополова проняло.

– Все шутки шутите, Павел Филиппович? – в голосе прорезалось явное неодобрение. – Идемте, идемте, по коридору прямо, потом направо.

Скрывать интерес к месту, в котором оказался, Баринов не видел смысла, поэтому рассматривал все с любопытством.

Скучный, плохо освещенный коридор разнообразили массивные и тяжелые на вид двери по обеим сторонам, без табличек, но с порядковыми номерами – 225, 226, 227... После двери с номером 233 повернули направо, видимо, здание имело форму буквы «П» или «Г»... или «Ш». Здесь дверей

вообще не было, только ближе к тупику обнаружили шахта грузового лифта и проем на лестничную площадку. Проход на этаж выше перекрывала металлическая решетка.

Спустились по лестнице вниз. На первом этаже слабо, но отчетливо пахло виварием, видимо, из подвала, тоже забранного решеткой. А в торце коридора оказался черный вход, или запасной выход – как местные его называют, Баринов, естественно, не знал.

Асфальтированную площадку перед входом плотно обрамляли деревья и кустарники. Баринов присмотрелся: сирень, можжевельник и, кажется, жимолость, а также ясень, липа, ольха... Диапазон – от Калининграда до Владивостока.

Удивило другое.

– А мне казалось, что сейчас ночь, – повернулся он к Долгополову.

– Это почему так?

– В палате, в изоляторе окно темное.

– А-а, это! – махнул рукой Долгополов. – Там внешние ставни, типа жалюзи. Сейчас утро, – он мельком глянул на часы, – четверть десятого... Идемте, идемте, вот по этой дорожке.

Видимо, обязанности санитаров с обликом вышибал заканчивались за пределами здания. Они остались на приступках, а Долгополов, даже не оглянувшись, повел Баринова дальше один.

Объективности ради стоит признать, разместили его в самых настоящих апартаментах. Клетки действительно бывают золотыми. Или позолоченными.

...По тенистой аллейке, не дававшей осмотреться, они вышли на другую, перпендикулярную ей, на которой уже могли бы разъехаться два автомобиля. По обе ее стороны на одинаковом расстоянии друг от друга выстроились почти скрытые густо разросшейся зеленью одинаковые одноэтажные домики из светло-желтого кирпича; к каждому вела выложенная бетонной плиткой и обрамленная цветочными клумбами дорожка.

Они прошли мимо трех или четырех, и Долгополов свернул к следующему, с крупной цифрой «12» сбоку крылечка с двускатным навесом. Он открыл ключом английский замок, первый прошел внутрь. Баринов шагнул следом и оказался в довольно просторной прихожей.

Долгополов щелкнул выключателем, закрыл за ними входную дверь.

– Ну вот, Павел Филиппович, располагайтесь, – и протянул связку ключей с небольшим круглым брелком. – Это теперь ваше жилище... Ознакомьтесь сами, или показать?

– Хм-м, – Баринов иронически усмехнулся, но ключи взял. Связка весомая: два ключа от разных английских зам-

ков, еще два – от сейфов. А то, что он принял за брелок, оказалась медной печаткой для опечатывания по специальной мастике или пластилину. – Чего уж тут, показывайте.

Экскурсия не затянулась. Долгополов, особо не задерживаясь, провел его по помещениям и, словно опытный дворецкий, давал короткие, но емкие пояснения.

– Здесь гостиная. Бар, сервант, холодильник. Телевидение у нас кабельное, пока всего два канала... Спальня. В шкафу белье, вся необходимая одежда и обувь. Если чего-то не хватает – можно заказать в спецателье. Три раза в неделю для уборки будет приходить горничная, о точном времени договоритесь сами... Кабинет. Ну, тут все понятно. Если что-то нужно поменять или переставить – скажете мне: тут, на столе, телефонный справочник... Кухня. Тут тоже все ясно. Можете готовить сами, можете заказывать в местной столовой – в основном корпусе. Работает с шести до двадцати трех... Ну, сопутствующие помещения... Вот, пожалуй, и все. Спокойного вам отдыха, Павел Филиппович.

Последние слова он проговорил уже в прихожей, когда они, плавно завершив обход, вернулись на прежнее место.

– Стоп, любезный! – предупредительно поднял руку Баринов, когда тот уже приоткрыл входную дверь. – А как насчет свободы передвижения?

Долгополов повернул голову, иронически посмотрел на него.

– А вот от этого советую воздержаться, Павел Филип-

пович. До получения соответствующих инструкций. Честь имею!

Баринов еще немного постоял в прихожей, затем, включив свет, прошел отяжелевшей походкой в кабинет. Сел за стол.

Интересно, кто такой этот Долгополов? По должности не представился, но, по манерам, какая-то «шишка». На простую «шестерку» не похож, скорее, тянет на «десятку» или даже «валета»... Да и ладно, черт с ним!

Прослушка, разумеется, присутствует, а вот теленаблюдения, скорее всего, нет. Можно слегка ослабить напряжение, побыть самим собой. Однако – не слишком увлекаясь.

Кресло приняло хорошо и обволакивающе, руки удобно легли на подлокотники. И стол отменный – большой, со всеми необходимыми прибабасами: прибором с подставками под ручки и карандаши, перекидным календарем, стопкой чистой бумаги, телефонным аппаратом, бюваром из тисненной кожи, раскладной металлической этажерочкой для бумаг... Тут же стопка журналов на углу. Верхний – последний номер «Успехи физиологических наук», под ним – судя по всему, «Журнал высшей нервной деятельности» и даже несколько номеров «Biological Abstracts».

По правую руку на низеньком столике с гнутыми ножками стояла пишущая машинка – да не портативная гэдээровская «Эрика» как у него дома, предел мечтаний каждого пишу-

щего человека, а электрическая «Оливетти», и оказаться перед ней – пара пустяков: кресло-то вращающееся, да на колесиках.

Работай – заработайся!..

Ни шевелиться, ни думать о чем-либо не хотелось.

Отбивая пальцами по подлокотнику неведомый и неслышимый ритм, он апатично поглядывал по сторонам – на задернутое тяжелыми шторами окно, на стеллаж во всю стену, забитый книгами, брошюрами и журналами явно научного вида, на другой стеллаж, поменьше, уставленный папками-скоросшивателями, на серый сейф в углу...

Скучно. Утомительно и скучно. А начинать дергаться – глупо. Средств и способов утихомирить у здешних хватит, а вот силы зря растратишь. И намерения свои выкажешь куда как явно.

Он прошел на кухню, поочередно заглянул во все шкафчики, в холодильник – и не удержался от сакраментальной киношной цитаты: «Ого! За чей счет банкетик?»

Аппетита не было, однако ж организм поддержать необходимо. Тем паче, что завтрак в бокс не подали, а дело к полудню.

Не заморачиваясь, он просто-напросто разбил в большую чашку три сырых яйца, взбил, круто посолил и залпом выпил. Но кофе варил не торопясь, по всем правилам и канонам, и в конце процесса от густого аромата даже чуть сильнее забило сердце и заторопились руки.

Пить кофе он решил в гостиной, поскольку при обходе заметил на журнальном столике у дивана большую хрустальную пепельницу. А где пепельница, там, логично рассуждая, может оказаться курево.

Несколько пачек «Кента» дожидались в уголке бара, рядом нашлась и зажигалка.

Первый глоток кофе, первая затяжка...

Еще раньше, в прихожей, Баринов разулся и снял носки, он всегда дома предпочитал ходить босиком. И сейчас, откинувшись на мягкую спинку дивана и положив ноги на журнальный столик, он вознаграждал себя за последние двое суток вынужденного воздержания: глоток обжигающего кофе – затяжка хорошей сигареты, глоток кофе – затяжка сигареты, глоток – затяжка...

«Хорошо, черт!.. Все для блага человека, все ради человека, все во имя человека – и я знаю этого человека!»

Исследовать досконально новое место заключения Баринов не собирался, это можно будет сделать в процессе. То, что увяз он изрядно, сомневаться не приходилось: в такой комфорт «пленников на час» не помещают. И специально отслеживать прослушку тоже не стал. Чай, не бокс изолятора, где все на виду, здесь замаскировать микрофоны – раз плюнуть даже неспециалисту. А без внимания его, разумеется, не оставят... Значит, нужно всегда об этом помнить. Здесь, в коттедже, а также в других местах.

Веки отяжелели, глаза сами собой начали закрываться.

Зона торможения в коре головного мозга возникла уже без всяких воздействий извне, естественным образом, и принялась распространяться вширь и вглубь...

Баринов проверил еще раз, погашена ли сигарета, и с наслаждением растянулся на диване, погружаясь в нормальный, закономерный в этой обстановке сон.

А приснился ему, как ни странно, Банник. Он стоял перед ним с неизменной полупрезрительной ухмылкой на лице, и что-то говорил, а вот что, Баринов не мог разобрать. Ярость и бешенство ударили в голову, и он ударил сам: тяжестью корпуса, прямым правой, по всем правилам – в эту ненавистную ухмылку. А попал – будто в вату...

Он открыл глаза и в первую секунду оторопел: в придвинутом кресле, через журнальный столик, сидел, прямо держа спину, Банник собственной персоной. И улыбался очень незнакомо, как-то минорно и почти сочувствующе.

Баринов даже затряс головой, стараясь выскочить из этого дурацкого сна, хотя прекрасно отдавал себе отчет, что уже не сон, не наваждение, а самая натуральная явь.

– Ты вот что, сходи, умойся, освежись, – мягко, опять же незнакомым тоном предложил Банник. – А я подожду... А потом уже и потолкуем.

Совет дельный, пусть и исходил от Банника, а к дельным советам Баринов всегда старался прислушиваться.

...Когда он вернулся в гостиную, действительно освежившийся и взбодрившийся под контрастным душем, Банник

по-прежнему сидел в кресле, но столик был уже накрыт для беседы.

– Ты уж прости, Павел Филиппович, я немного похозяйничал...

– Да ладно уж, – Баринов аккуратно обошел его и сел на диван, потянулся за сигаретами. – Хозяин ты, а я – так, погулять вышел!

Банник щелкнул перед ним зажигалкой и, пока он прикуривал, сказал:

– О том и речь. Принимай дела – и становись здесь полноправным царем и богом. То есть директором института и моим заместителем по НПО. Хозяйственные вопросы оставь Долгополову, режимные – Арзыбову, а сам погружайся в чистую науку.

И, предупреждая жестом любые слова Баринова, продолжил:

– Сориентирую: мы в Подмосковье, на территории НИИ-403 научно-производственного объединения «Перспектива» при Совете министров. Сюда входят лаборатории, жилые и производственные корпуса, полигон. Естественно, предприятие режимное, закрытое. Штат чуть больше двухсот человек, это вместе с обслуживающим персоналом. Часть живет на территории, часть – в Москве, часть – в поселке неподалеку.

Баринов придвинул пепельницу, заложил ногу за ногу и откинулся на спинку дивана.

– Смотрю я на тебя, смотрю, – сказал он после небольшой паузы, – и не могу понять: ты всерьез думаешь, что я соглашусь на тебя работать?

Банник медленно покачал головой.

– На себя, Павел Филиппович, исключительно на себя. Все твое с тобой и останется... А вот это, – он обвел рукой вокруг, – и остальное прочее, что было – это только метод. Средство вырвать из тухлого болота, в которое тебя в свое время загнали, и дать возможность спокойно, без предвзятости оглянуться по сторонам, вспомнить прошлое, осмыслить настоящее, поразмышлять о будущем... Положа руку на сердце, ответ – разве в Киргизии, Грузии, Латвии, Хабаровске, Мурманске можно делать настоящую науку?

– Что ж ты так, огульно...

Банник махнул рукой.

– А-а, брось! Не хуже меня знаешь нашу систему: кому-то жирный пирог, а кому-то крошки с барского стола... или, как шутил один мой друг-физик: кому татар, а кому лядор... И еще. Я в курсе твоего пунктика по поводу оружия, военно-промышленного комплекса, работы на войну и прочего... Но пойми, это та же система, только всемирная. И заметь: Курчатов и Оппенгеймер – не только атомная бомба, но и ядерные реакторы, Королев и фон Браун – не только средства доставки, но и спутник, Гагарин, Нейл Армстронг... Да что я тебе говорю прописные истины! Эйнштейну приписывают изречение, что если в третьей мировой

войне будут воевать атомными бомбами, то в четвертой придется воевать дубинками. Почему-то акцентируют – «бомбами» и «дубинками», а я бы выделил – «воевать». И неважно чем – копьями, стрелами, пулеметами, напалмом или баллистическими ракетами. Да хоть вилами и дрынами из плетня!.. Потому что агрессивность в самой сущности людей, а политики – вожди, фюреры, отцы народов, великие кормчие – то есть те, кто их организует, объединяет и натравливает друг на друга, всегда были, есть и будут есть!

– Про прописные истины – это ты правильно, – сказал Баринов утомленно. – Добавь сюда еще одну – штыком загоним неразумное человечество в светлое будущее.

Банник понял правильно, и ответил соответственно:

– Ты, Павел Филиппович, личность сильная, поэтому и средства применялись сильные. Адекватные, так сказать.

– Да уж, сильнее трудно представить, – усмехнулся Баринов. – Но об этом попозже... Так что тебе от меня надо конкретно и к чему весь этот балаган?

Согласно кивнув, Банник наполнил две рюмки, поднял свою.

– Испробуй. Помнишь, я обещал, что выставлю не хуже?

Они выпили. Банник – врасстяжку, не торопясь, Баринов – словно бы и не заботясь о вкусовых ощущениях, залпом. Оба закусывать не стали, разом потянулись к сигаретам.

– Понимаешь, Павел Филиппович, с потерей твоей подопытной я несколько подрастерялся и – оказался в жутком

цейтноте. Ну, признаюсь, поспешил. Поторопился. Показалось, что тебя нужно срочно выдернуть из той обыденности, что тебя окружила. Извини, что таким манером, однако времени на раскачку нет. Неприятно говорить, но печенкой чувствую, что назревает что-то невнятное и непонятное, чем-то чреватое. И вот, тороплюсь передать хозяйство в твои руки.

Баринов с интересом поднял глаза на собеседника. Банник, который оправдывается, вроде бы, как и не совсем Банник. Или же настолько вода под подбородок подошла, что и поступиться привычками можно?.. Стоит, видимо, сделать маленький шагок навстречу – ради понимания ситуации.

– Ну, хорошо, предположим, извинения твои частично принимаю. Человечество в моем лице действительно неразумно, а будущее подразумевается действительно светлое. Опять же – приключение, как-никак, а то на самом деле незаметно мхом обрастаешь... А вот об остальном – подробнее, пожалуйста. Помедленнее и с самого начала. Например: в каком качестве я здесь нахожусь?

Банник встал, постоял в раздумье, подошел к холодильнику – ориентировался он, словно у себя дома, машинально отметил Баринов – достал бутылку «Посольской».

– Понимаешь, от коньяка меня в сон клонит, – пояснил он, усаживаясь на место. – Водка – другое дело: и мозги прочищает, и бодрит.

– Ну да, ну да, – снова не удержался Баринов. – Умеренными дозами алкоголь полезен в любых количествах.

Словно не заметив очередного выпада, Банник продолжил:

– Дело в том, Павел Филиппович, что существует такое понятие – гостайна, и ее разглашение всегда чревато для государства. Поэтому оно принимает необходимые меры, чтобы оградить носителя от нежелательных контактов, поскольку очень часто, сам того не желая, носитель может этой тайной с кем-нибудь поделиться.

– Но я не знаю никакой тайны! – возвысил голос Баринов.

– А «эффект Афанасьевой»? – прищурился Банник. – А явления телекинеза и пирокинеза? А также и другие подобные штучки.

– Ну, знаешь ли! Не делай из меня дурака! Это не тайна, тем более, не государственная!

– Как сказать, как сказать, – невозмутимо проговорил Банник. – Сейчас уже мало кто помнит, но с началом «Манхэттенского проекта» из научных журналов исчезли все публикации на тему атомного ядра. И кое-кто наверняка тогда тоже искренне возмущался – нашли, мол, идиоты, что секретить!

Поворот оказался неожиданным, Баринов слегка даже растерялся. Факт этот он прекрасно помнил, но то же ядерная физика, а здесь биология... Связь-то в чем?

– Вот видишь, Павел Филиппович, как все относительно, – неожиданно мягко, почти душевно произнес Банник, прерывая паузу. – И в такой мирной науке, каковой кажет-

ся биология, могут появиться секреты высшего порядка. Вот и возник такой парадокс: ты являешься носителем государственной тайны, однако в то же время к ней как бы не имеешь допуска. Что остается делать? Правильно, изолировать тебя на время, дабы предотвратить утечку. И то сказать, поздновато мы спохватились, ты уже кое-кого ввел в курс, не так ли?

– Мои сотрудники не обладают полной информацией, – торопливей, чем следовало бы, сказал Баринов. Этого еще не хватало – Игорь, Александра Васильевна...

– Сотрудники – допускаю. Ты мужик в научном плане осторожный, пока в чем-то не уверен, держишь это в голове, – так же мягко сказал Банник. – А друзья-коллеги? В неофициальном плане.

Та-ак, это он метит в Омельченко и Щетинкина. Попытаться «отмазать» и их, любой ценой! Здесь годятся всякие приемы.

– У них свои заботы, Николай Осипович. И я не настолько наивный, чтобы делиться с кем бы то ни было своими идеями.

Банник широко улыбнулся.

– Вот и чудненько! Значит, я оказался прав, настаивая на изоляции только одного фигуранта, а не всех чохом.

«А ведь это намек, – вдруг подумал Баринов. – Одно неосторожное слово или движение – и все они окажутся тут как тут».

– Хорошо, я понял. И все же – значит ли это, что я арестован?

– Что ты, что ты! – Банник даже замахал руками. – Даже не задержан! Выбрось из головы!.. Временно изолирован, повторю: как носитель государственных тайн и секретов. Получишь к ним допуск – и снова вольная птичка! С учетом, естественно, некоторых ограничений.

И посчитав, видимо, эту тему исчерпанной, он вернулся к началу разговора.

– Так вот, Павел Филиппович, я не зря чуть раньше упомянул царя и бога. Очень скоро на какое-то время мне придется выключиться из здешнего процесса. Скажу прямо, очень надеюсь на тебя... Извини, по здравому размышлению больше не на кого.

– И позволь спросить, почему сподобился именно я?

– Ну как ты не поймешь... А если я не вернусь? Нельзя *это* отдавать чужим дядям! Сначала они примутся грызть друг другу глотки, потом потихоньку все похерят или растащат по своим каморкам – и амба! Кончится вся психотроника с биоинженерией, вся нейробионика... просто пойдет прямым псу под хвост! А ты... Я знаю, ты не только сэкономишь, ты разовьешь и приумножишь! Не секрет, в нашем благословенном околонуточном бомонде у тебя, Баринов, репутация дурака и бессребреника, а ты же знаешь, для них эти понятия – синонимы. Поэтому вначале они станут хихикать, потом вникать да кумекать. И лишь потом-потом, когда

до конца все всё поймут, спохватятся, начнут под тебя копать – но ты-то успеешь утвердиться! Нюх у тебя отменный, хватка железная, интуиции выше крыши!.. Меня, конечно, не заменишь, заменимых людей нет, но для дела потери будут минимальные.

Оставив без внимания лестные, особенно в устах Банника слова, вернуться к ним можно будет и потом, Баринов сказал медленно:

– Значит, если ты не вернешься... Что, политика меняется?

– Какая политика? – не понял Банник. Потом до него дошло, и он ткнул пальцем вверх. – Это там, что ли?

– Естественно.

На лице Банника появилось едва скрытое отвращение.

«Ах, артист, ну и артист, – подумал Баринов. – Если играет – актерские задатки отменные. А раньше не замечалось».

– Это у вас, у *партактива*, с приходом новой метлы наступает время очередной чистки рядов, и вы дружно, наперегонки начинаете колебаться вслед генеральной линии, – брезгливо сказал Банник. – Потом кинетесь перетряхивать хозяйственников и производственников, потом попытаетесь поправить сельское хозяйство, замыслите кувалдой выправить искусство и литературу... Знаем-с, плавали-с!.. Фундаментальная наука, к счастью, реформаторскому окрику не подвластна, она или есть в государстве, или ее нет. Задавить, развалить, уничтожить – на это ваши партийцы спо-

собны, но не более. А что-то кардинально изменить – *тямү* не хватит.

– Ты не опасешься крамолу озвучивать? Или она санкционирована?

Банник сначала недоуменно посмотрел на Баринова, потом, сообразив, о чем речь, отрицательно мотнул головой.

– Какая ж то крамола? Чистая правда – для служебного пользования... Кстати, жильцы первой дюжины коттеджей – высший комсостав, они вне наблюдения и прослушки. Я сам останавливаюсь в третьем номере.

Баринов коротко хмыкнул.

– Это *ты* их не слушаешь. А тот, кто над тобой?.. Ему, кстати, не надо слушать всех, достаточно вас – и все как на ладони!

– Да уж поверь! Проверено. Это и в моих интересах, кстати.

– Ладно, вернемся к нашим баранам. Куда ты собираешься исчезнуть?

Банник снова недоуменно посмотрел на Баринова, потом рассмеялся.

– Извини, извини, Павел Филиппович! Я фигурально – «вернусь», «не вернусь»! Никуда я не денусь, просто возьму отпуск на неопределенное время, ну и, соответственно, окажусь не у дел.

– Это как? И что за причина?

– А вот так! Я поступаю в твое распоряжение в качестве

подопытного. Основание – ярко выраженный «эффект Банника-Афанасьевой». Если очень настаиваешь – «Афанасьевой-Банника», в претензии не буду. Программа-минимум – повторить все эксперименты, проведенные тобой в отношении Афанасьевой. Программа-максимум – выявить его природу... Стоп! – Он предупредительно поднял руку. – Все вопросы потом. Ты получаешь полностью оснащенную лабораторию и неограниченные полномочия. Ассистентом будет Валера Долгополов, старшим лаборантом – небезызвестный тебе Шишков. Он же обеспечит и секретность темы. Попутно, в качестве моего заместителя, будешь знакомиться с работой всего научно-производственного объединения – с перспективой стать его директором. Ну, это на случай, если со мной в процессе экспериментов случится что-либо непредусмотренное и неприятное. Если «не вернусь»... Сам понимаешь, на это время участники должны быть полностью изолированы. Никакой утечки... Ну вот, а теперь можно приступить к вечеру вопросов и ответов.

– Директором, говоришь, – Баринов усмехнулся и покрутил головой. – Ну и ну... А если ты после экспериментов все же выживешь, тогда как?

– Хамишь, парниша? – кротко сказал Банник. – Не идет тебе, честное слово... И вообще, Павел Филиппович – я перед тобой уже повинился, не так ли?

Прогуливаться на свежем воздухе перед сном Баринов не стал – ну его в болото, переть на рожон и дразнить гусей, ведь никаких комментариев что можно и чего нельзя, он от Банника не получил. Были более интересные темы.

И от этих интересных и неожиданных разговоров пухла голова.

Теперь в действиях Банника и даже в мотивах его поведения начинала проступать некоторая ясность. Или какое-то подобие ясности – Баринов предпочел думать именно так.

Утомительный и насыщенный денек, ничего не скажешь.

В спальне он лег, не раздеваясь, поверх покрывала на широкую двуспальную кровать, подумав, включил телевизор. Смотреть лежа было удобно, шнур пульта дистанционного управления как раз дотягивался до изголовья. На одной кнопке транслировалась первая программа Центрального телевидения, на другой крутили черно-белые короткометражки с участием Чарли Чаплина и Макса Линдера... Под незамысловатую музыку и нарочито-искусственные ужимки актеров думалось легко и раскованно.

Да-а, любопытными делами занимается «банда» Банника... Или теперь надо говорить «команда»? Раз уж он сам почти подписался на участие в этой... *банде-команде*.

А ведь любопытство, как известно, сгубило... кошку?

мышку?.. Впрочем, неважно – кого, главное, что – сгубило.

Психолог Банник опытный и грамотный. Подсунул такую лакомую наживку, что почти невозможно удержаться. И добиваться формального согласия на работу даже намеком не пытался, просто стал рассказывать – что, как и к чему. Так сказать, постфактум, явочным порядком.

– ...Здесь, в головном и, по сути, основном НИИ, прописаны, главным образом, биокибернетики. Будешь смеяться, мол, ЭВМ на нейронах и аксонах? Смейся, но аккуратнее. Потому что первые искусственные биологические мозги уже существуют, и собраны они вручную из клеток мозга лабораторных крыс. Пока глупее арифмометра «Феликс» и тем более настольного калькулятора, но уже спокойно распознают «да – нет», «и – или», «черное – белое», «свет – тень»... Всего же в НПО четырнадцать структурных единиц – НИИ, отдельные лаборатории и автономные группы. По четверть третьему я подготовил небольшое досье, ознакомишься на досуге. Оно здесь, в коттедже, в твоём личном сейфе, вместе с некоторыми другими документами. Ключ у тебя есть, но там ещё одно отделение, с кодовым замком. Я пока настраивал на «павел – 1945 – барин», на будущее придумаешь сам... Подробные отчеты найдешь в библиотеке, допуск сейчас оформляют. Но это так, попутно. Или – при форс-мажорных обстоятельствах... Главный твой объект сейчас – это я.

– Алкоголики, эпилептики, шизофреники в роду были? Черепно-мозговые травмы, сотрясения мозга, венерические

заболевания? – Баринов, принимая правила игры, решил не церемониться – пациент есть пациент. Тем более – *подопытный объект*.

Банник к вопросам отнесся как к должному, даже не моргнул... Профессионал!

– Алкоголики, эпилептики и шизофреники в роду мне лично неизвестны. Черепно-мозговых травм не было, венерическими болезнями и гепатитом не болел, в двенадцать лет перенес сотрясение мозга. Без последствий. В детстве – корь, ветрянка, пищевые отравления, пневмония. Одиннадцать лет назад – сквозное огнестрельное ранение правого легкого, закрытый перелом правого предплечья, тропическая лихорадка. Реабилитация полная... Подробный анамнез найдешь в истории болезни там же, в сейфе.

«Однако ж, биография... Это в каких таких тропиках отстреливают биологов? Или он там не в качестве ученого подвизался?»

Лечащему врачу негоже демонстрировать удивление, ученому-экспериментатору – тем паче. И Баринов лишь отметил про себя, что, фактически, о Баннике-то он ничего не знает! Только три года совместной работы в лаборатории на Большой Дорогомиловской, а все остальное – слухи да сплетни. А еще – его непохожесть на остальных. Уверенный, даже ускоренный рост по административной части, безусловный авторитет в научной среде, заработанный собственным горбом и головой, в чем сомнений ни у кого

и никогда не возникало... Да весьма подозрительные связи со спецслужбами. В том кругу, к которому принадлежал Баринов, всегда с осторожностью относились к «людям в штатском», можно сказать, сторонились, а уж сотрудничать считалось, как правило, неприемлемым совершенно.

Правда, и действия самих «людей в штатском» не вызывали симпатий определенной части, так сказать, «научной и творческой» интеллигенции. Вербовка «сексотов», стремление «первых отделов» секретить всё и вся, а особенно – оголтелая компания против так называемых «диссидентов» заставляли не просто сторониться, а демонстративно дистанцироваться от «конторы». Тем более, что у многих и многих были личные, мягко говоря, претензии к тому прошлому, когда Комитет Госбезопасности именовался ВЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ... Вывески меняли, вроде как лиса или шакал путали свои следы, но суть-то оставалась прежней. Да и сами себя они с гордостью продолжали именовать *чекистами*, явно подразумевая преемственность не только духа и сути, но и методов, традиций, морали, наконец...

– Хорошо, я ознакомлюсь, – кивнул Баринов. И, помедлив, не выдержал: – Ну, а пока так, вчерне... Ты говорил, что видишь *сны*... Они появились до сотрясения или после?

– До. Но вот *этого* в истории болезни не найдешь. *Это* и кое-что другое знаем только мы с тобой. Так и должно остаться в будущем. Понимаешь, Павел Филиппович?

Да-а, воистину – Париж стоит мессы...

Такого Банника едва ли кто-либо когда-либо мог себе представить, тем более увидеть. Баринов в том числе... Банник не изрекал, не инструктировал, не приказывал, он – *протосил*.

И Баринов невольно отвел взгляд, начал бесцельно передвигать на столике тарелки с закуской, потянулся было к коньяку, но передумал, налил в обе рюмки водку. Слегка прикоснулся своей к рюмке собеседника, кивнул коротко и *махнул* залпом.

Бумаги в сейфе оказались куда как любопытными.

Во-первых, история болезни Банника. Причем, адаптированная именно для такого случая. Вся написана одним почерком – от начала до конца, а главное, даже начинающий врач сразу бы обнаружил в ней определенные лакуны. Получалось, например, что по своей инициативе пациент к врачам никогда не обращался. Результаты регулярных и довольно широких медосмотров сводились в единую подробную справку, показатели традиционных анализов – в сводную таблицу. Присутствовали описания рентгеновских снимков, ЭКГ, УЗИ и так далее, но ни одного оригинала, скажем, электрокардиограммы, не вклеено... Наблюдались и другие несуразности. При самой поверхностной проверке в любой районной поликлинике за такое ведение *истории болезни* участковый терапевт точно схлопотал бы выговор, а то и что-нибудь похуже... Вывод: на полном серьезе и с безуслов-

ным доверием к содержащейся в ней информации относиться не стоит, но отработать ее надо тщательно.

Следующим интересным документом (и тоже адаптированным) оказался «Журнал лабораторных исследований ЭЭГ пациента Б., 1940 года рождения, пол мужской». Охватывал он период весьма продолжительный – с января 1961-го по декабрь прошлого, 1984-го, но отражал исследования, опять же, исключительно описательно. Правда, перед каждым фрагментом вклеивались образцы электроэнцефалограмм, указывался перечень аппаратуры, ее технические характеристики. Бросалось в глаза, что аппаратура совершенствовалась, но вид ЭЭГ практически не менялся: *шестая фаза* наблюдалась, вычленялась и описывалась на всем протяжении исследований... Но, естественно, никак не объяснялась.

«Это что же получается, – озадаченно подумал Баринов. – Об этом эффекте Банник знает уже четверть века и нигде, никогда, ни словом, ни полусловом никому не обмолвился? А как же приоритет?.. При его-то бешеном стремлении утвердиться вдруг взял да зажиллил открытие?.. Не-ет, тут что-то не так...»

Он пригляделся повнимательнее.

А вот это совсем занятно! И история болезни, и лабораторный журнал исполнены одной рукой. Что характерно, почерк совсем не «медицинский» – ровный, разборчивый, почти каллиграфический, по-женски округлый и аккурат-

ный... Что, Николай Осипович специально готовился к этому моменту?

Вот и подтверждение тому.

В голубеньком скоросшивателе находились несколько машинописных листков, озаглавленных «Примерный план исследования «Эффекта постороннего сна».

Особо не вчитываясь, Баринов стал его просматривать.

Ну что ж, все это мы уже проходили, и примерно в том же объеме и в той же последовательности. Включая ретроспективный гипноз... А вот это что-то новенькое и пока непонятное: «растормаживание отдельных участков коры головного мозга воздействием излучения „ZQ“ различной мощности». И еще вот это: «влияние излучения „S“ на частоту появления посторонних снов».

Баринов перечитал еще раз последние два пункта.

Ну ладно, про эти излучения мы еще поговорим. Ничего похожего ни в научных публикациях, ни в официальных отчетах профильных НИИ и лабораторий встречать не приходилось. И в частных беседах подобное не упоминалось... Видимо, что-то из засекреченных разработок самого Банника.

А вот почему в план исследований не включены индивидуальные особенности Николая Осиповича? Такие как воздействие на материальные предметы на расстоянии, способность без специальных приспособлений повышать в отдельных точках пространства температуру до 200—250 граду-

сов по Цельсию, ментально воздействовать на ЦНС внешнего объекта по крайней мере в двух режимах... Ведь по его словам данные способности как раз и обусловлены «эффектом Афанасьевой» или, как он здесь его называет «Эффект постороннего сна».

Глава 2

1

В тридцать две минуты девятого раздался телефонный звонок.

Аппарат стоял тут же, на прикроватной тумбочке, и Баринов, чертыхнувшись про себя, снял трубку.

– Доброе утро, Павел Филиппович, это Долгополов.

– Доброе утро. Слушаю вас, Валерий Иванович.

– Извините, что побеспокоил, Павел Филиппович. В моем «поминальнике» первым пунктом стоит звонок вам, поэтому рабочий день с него и начинаю. Докладываю, что сегодня я весь день планирую быть на месте, так что, если я вам понадоблюсь... Далее, когда удобнее подослать к вам человека?

– На предмет?

– Он принесет некоторые бумаги на ознакомление. Ну и вообще, для поручений...

Баринов некоторое время помолчал, усваивая смысл сказанного.

– Поручений пока никаких, а бумаги... Скажем, через час.

– Будет сделано, Павел Филиппович. Если что потребуются – я у себя. До свидания!

– Всего доброго.

Голова побаливала, и во всем теле ощущалась определенная вялость и скованность. Дело понятное, во-первых, не выспался, во-вторых, слишком много размышлял, и все больше на темы неприятные. В-третьих, возможно, сказывалось действие всей той химии, которой его трое суток накачивали. Хоть и спецсредства, а побочные эффекты должны присутствовать.

На местной кухне Баринов освоился еще вчера вечером, и ему здесь понравилось. Все функционально, все под рукой, все блестит никелировкой и белой эмалью. А набор продуктов – голубая мечта привередливого холостяка с гурманскими наклонностями: колбаса вареная, колбаса копченая, три сорта сыра, масло сливочное и шоколадное, ветчина, вареный окорок... В морозильнике – сосиски, сардельки, пельмени; в левом шкафу-колонке – штабели консервных банок, в правом – батареи бутылок... Жить и не тужить!

Особо напрягаться не стал. Сварил кофе покрепче, соорудил сразу четыре разных бутерброда, открыл баночку сардин – вчера аппетита не было совершенно, а сегодня словно прорезался... Ну и правильно, сытое брюхо к невзгодам глухо. Неприятные сюрпризы еще вполне могут воспоследовать, едва ли их набор исчерпался.

Первая утренняя сигарета, да после плотного завтрака, да с хорошим кофе – кто не знает, не поймет... Но и этот момент умудрились испоганить – на второй затяжке у входной двери раздался мягкий зуммер.

Баринов невольно глянул на часы – девять тридцать, ровно.

«Падлюки пунктуальные, черт вас дери!»

Он аккуратно затушил сигарету, пошел открывать.

И вот она, очередная пакость – на крылечке стоял Шишков собственной персоной. В том же самом сером костюмчике, белой рубашке, но без галстука. А газовый пистолет, небось, во внутреннем кармане пиджака...

– Тебе чего? – хмуро спросил Баринов, придерживая дверь приоткрытой.

– Это вам, – сказал Шишков, как ни в чем не бывало, и протянул пакет из плотной голубоватой бумаги. – А вот здесь, в книге, распишитесь, пожалуйста – дата, точное время, подпись... Спасибо, Павел Филиппович. И разрешите доложить: согласно приказу поступаю в ваше распоряжение. Какие будут указания?

Баринов молча оглядел его с головы до ног.

«Н-да, экземплярчик еще тот. Прикажи – землю будет рогами рыть!»

– Пока никаких. Свободен... Хотя, стоп! Где можно найти Долгополова?

– В административном здании, кабинет двести пять. Вот по этой центральной аллее, в самом конце. Телефон: один – ноль-ноль-пять.

– А тебя?

– В первом лабораторном корпусе, комната сто три, теле-

фон: три – ноль-тринадцать.

– Вот теперь все. Можешь идти.

Что толку с ним собачиться. Дело-то, по большому счету, не в нем.

Сопроводительной записки в пакете не оказалось, но содержимое вполне красноречиво говорило само за себя.

Похоже, поработали качественно. Столь глубоко в бюрократические тонкости Баринов никогда не погружался, но догадывался – формальности в данном случае соблюдены четко.

Бумаг немного, но все в одну тему.

Баринов положил перед собой первый набор – письмо директора НПО «Перспектива» в Президиум АН СССР с просьбой направить переводом П. Ф. Баринова в распоряжение НПО, разрешение Президиума на перевод, приказ по Киргизскому филиалу НИИЭМ о переводе П. Ф. Баринова «на основании его личного заявления и письма НПО «Перспектива», приказ по НПО о приеме П. Ф. Баринова в порядке перевода на должность исполняющего обязанности директора НИИ-403.

Чисто отпечатанные на официальных бланках, с указанием подписи соответствующего должностного лица, над шапкой каждого документа – рукописная пометка: «проект»... Не хватало только его личного заявления. А также – ни на одном документе не проставлена дата.

А вот и второй набор. Здесь всего две бумажки, но зато с «живыми» печатями, подписями, датами и номерами: приказ Салиева командировать с 7 августа 1985 года заведующего лабораторией П. Ф. Барина в распоряжение Президиума АН СССР и приказ Банника назначить с 8 августа 1985 года командированного П. Ф. Барина временно исполняющим обязанности директора НИИ-403.

Против этого лома уж точно не может быть приема. Сплошное – «скачи, враже, як пан каже!»

И, похоже, самое время вспомнить бесхитростную молитву, которой учила маленького Павлушу родная тетка Галя – в далекие-далекие годы: «Господи, дай мне терпение принять то, что я не в силах изменить, дай мне силы изменить то, что возможно, и дай мне мудрость научиться отличать первое от второго»...

Барин потянулся за трубкой телефона, набрал 1—005.

– Слушаю, Павел Филиппович, – донеслось буквально после второго гудка.

– Я хочу познакомиться с территорией.

– Буду у вас через пять минут.

Как и говорил Банник, хозяйство было обширное и разнообразное, и Барин постарался хотя бы мельком посмотреть все.

Не то, чтобы он планировал здесь всерьез и долго разделять и властвовать. Сказалась привычка подходить к любому

делу тщательно, почти скрупулезно и детально. И вообще, он полагал, что начальник, даже номинально исполняющий обязанности, должен знать и уметь все то, что знает и умеет подчиненный, и еще хотя бы вполовину больше и лучше.

Что греха таить, территория понравилась. И уютно, и функционально одновременно, что немножко странно, однако объяснимо. В средствах, похоже, не стеснялись, а опыт у проектировщиков и строителей по обустройству таких вот изолированных, полуавтономных образований, имелся богатый.

Они шли по пустынным аллеям, и Баринов вслух удивился, что никого вокруг не видно. Долгополов сухо проинформировал, что сегодня воскресенье, а он, Долгополов, остался на рабочем месте исключительно на случай, если окажется полезен Павлу Филипповичу.

Баринов на ходу попытался просчитать прошедшие дни – а ведь и верно, выходной!

Высокий бетонный забор по периметру неплохо маскировался кустарником и деревьями, внутри четко разграничивались жилая, хозяйственная и научно-производственная зоны. Территория, можно сказать, утопала в зелени, причем растительность подбирали смешанную – и лиственные деревья, и хвойные. Значит, и зимой было на чем глаз остановить. Аккуратные газоны, цветочные клумбы, вымытый асфальт... Шарашка-то шарашка, но комфортабельная. Что, впрочем, сути не меняло.

Долгополов добросовестно провел его по всем этажам трех научно-производственных зданий, демонстративно подчеркивая полную открытость, но задерживаться где бы то ни было старался избегать, вежливо напоминая: «Павел Филиппович, нам еще многое предстоит посмотреть».

Он прихватил с собой три огромные связки ключей с бирками, но открывал не все комнаты. Многие помещения были опечатаны, у их дверей он молчаливо разводил руками, и они шли дальше.

Пообедали в небольшой, столов на десять-двенадцать, местной столовой, расположенной в пристройке с тыльной стороны административного корпуса. Она работала, несмотря на воскресенье. В зале никого не оказалось. Вообще-то здесь бытовало самообслуживание, но к ним подошли сразу две официантки, вручили по листочку меню.

Столовая тоже понравилась. Чисто, вкусно, уютно.

Счета принесли отдельные, однако денег не взяли. Долгополов, перегнувшись через стол, вполголоса пояснил, что сумму запишут в личную карточку, потом вычтут из зарплаты.

Выйдя из столовой, присели на лавочку в тени огромной, наверное, вековой липы. Долгополов неодобрительно покосился на сигарету в руках Барина, демонстративно пересел, чтобы дым относил в сторону.

– А сейчас куда, Валерий Иванович? На полигон? – спро-

сил Баринов, отправив окурок в стоящую рядом урну.

– Можно и на полигон, – согласился Долгополов. – Только ничего интересного не увидим, тем более, что позапрошлым летом его законсервировали. От аппаратных ключей у меня нет, а так – полигон как полигон.

– Вы говорили, живете здесь, в коттедже?

– Вообще-то, в Москве, – сухо ответил Долгополов. – Сюда приезжаю на работу, нередко случается заночевать. А в коттеджах, в основном, живет молодежь, несемейные и командированные... Ну что, Павел Филиппович, посмотрим ваш кабинет?

Баринов подумал, прикидывая. Зрительных впечатлений на сегодня вроде бы достаточно, можно и посидеть, пообщаться.

– Я не против. Ведите, Валерий Иванович.

На второй этаж административного корпуса они прошли через центральный вход, мимо вахтера. Ни документов, ни пропусков тот не спросил, но проводил их цепким внимательным взглядом.

Приемная оказалась самой обыкновенной – с двумя письменными столами, стоящими поодаль, с остальным обычным антуражем. Из нее вели две обитые кожей двери. Около левой табличка – «Директор НПО «Перспектива», около правой – «Директор НИИ-403».

– У вас ключи с собой? – спросил Долгополов. И пояснил: – У меня только от приемной.

Зато кабинет соответствовал представлениям номенклатурного начальника выше среднего уровня. Не каждый министр в Киргизии сподобился такого.

Не сговариваясь, Баринов и Долгополов заняли места друг против друга через приставной стол.

– А Банник, значит, напротив? – спросил Баринов.

– Да. Когда Николай Осипович здесь, он занимает тот кабинет.

Помолчали. Баринов – выжидательно, Долгополов – терпеливо и равнодушно.

– Ну что ж, Валерий Иванович, – вздохнул Баринов, убедившись, что инициативой собеседник обладает нулевой. – Продолжим, пожалуй. Итак, какова же тематика института? И если можно, поподробнее.

– Извините, Павел Филиппович, конкретные темы вне моей компетентности. Общие вопросы, хозяйственные, бытовые – пожалуйста. А научно-производственная конкретика – это, пожалуйста, к Николаю Осиповичу.

Баринов в сердцах крепко выразился про себя. Что за мужик этот Долгополов, в конце-то концов? Лощеный, рафинированный с виду, а похоже, ни рыба ни мясо!.. Служака или притворяется?

– Ах, так вы, значит, простой завхоз? – преувеличенно удивился Баринов.

– Я ваш заместитель по организационным вопросам. – Похоже, на этот раз Долгополов обиделся всерьез. Даже на ску-

лах обозначились розоватые пятна. – Мне кажется, Павел Филиппович, вы зря так все обостряете.

И Баринов одернул себя в запоздалом раскаянии – если уж приходится общаться с людьми, лично тебе неприятными, так постарайся хотя бы не показывать им этого. Обниматься и целоваться не обязательно, фамилльярничать да панибратствовать тем более, а держаться с ними надлежит ровно и нейтрально. Даже с Шишком. И с этим – замом по хозяйству.

– Извините, Валерий Иванович, – он на миг склонил голову. – Спасибо за познавательную экскурсию. Завтра лаборатории будут функционировать в штатном режиме, не так ли?.. Ну и славно... Итак, я, пожалуй, посижу здесь, осмотрюсь. Если у вас ко мне никаких дел, то вы свободны. Обещаю сегодня больше не беспокоить.

Долгополов с готовностью поднялся.

– До свидания, Павел Филиппович. Приемную закроет охранник. Будьте здоровы.

– И вам всего хорошего, Валерий Иванович.

Ну, вот... Информации добавилось, есть возможность вернуться к главному – будет он работать на Банника или нет?

Если «да», то на каких условиях? Или говорить об условиях – дохлый номер?.. А если «нет»?

Пожалуй, стоит разделить проблему на части. И, вычленив отдельные элементы, решать по порядку, строго выдерживая очередность.

С одной стороны – насильственным образом грубо нарушено, можно сказать, попрано его священное право выбора: где работать, как работать, над чем работать. Где жить, как жить. С кем общаться.

С другой стороны – каким образом он может воспротивиться этому самому насилию?

Поразительно, однако ж в настоящий момент он абсолютно бессилен вообще что-либо предпринять! Ну – аб-со-лют-но!.. Он здесь никто и звать его никак!

Очень изящно выразился Банник – «лицо, владеющее государственной тайной, но не имеющее допуска к ней»...

Баринова словно выбросило из кресла, он пробежался по огромному кабинету до дверей и обратно, остановился, опомнившись, у письменного стола. Метаться из стороны в сторону, бегать, кричать, биться лысиной о паркет, топать

ногами... не лягушка же он в кринке с молоком, в самом деле. Бессмысленной моторикой ничего не добьешься.

Что он может сам, в конкретных сложившихся обстоятельствах?

Демарш на словах. То же, но с битьем подвернувшихся морд и стекол, швырянием стульев и других предметов – до первых санитаров-охранников. Голодовка. «Итальянская» забастовка. Что еще?

Встанет он, положим, в позу – ни под каким видом, никогда, только через мой труп!.. Ну что, будет тебе труп. И без всяких фигур речи. Сейчас-то он просто пропал без вести для родных, друзей, знакомых. В этом случае пропадет на самом деле, для самого себя в том числе.

Разумеется, буквально на следующий же день его не ликвидируют, но бокс-изолятор не зря показали!.. В Моабите, Лефортово или замке Иф можно надеяться бежать. Говорят, даже случаи бывали. Из одиночки НИИ-403 побег исключен по определению. Кроме хлорпромазина, в просторечии «аминазин», найдутся и другие нейролептики.

Далее, предположим, какими-то неведомыми путями удастся дать знать о себе родным и друзьям. Вопрос на засыпку: что конкретно смогут они?

Заявить о пропаже человека... Ну, объявят всесоюзный розыск, расклеят на столбах афишки с его фотографией, раздадут ориентировки постовым и участковым. А кто считал, сколько таких бумажек скапливается по письменным столам

райотделов хотя бы за месяц?

Пойти по инстанциям, все выше и выше... Хорошо, найдут ход аж туда-туда, на самый верх. Но кто знает, на каком именно уровне, на какой именно ступеньке санкционировано, что некий Баринов П. Ф. должен быть изъят из обычной жизни? И под каким соусом эта «необходимость» будет подана, в случае запроса, туда-туда, на самый верх?

Апеллировать к общественному мнению... Ну, это уже из области фантастики, ибо трудно апеллировать к тому, что принципиально отсутствует. Мнение-то оно есть, но насколько общественное?

Робинзон Крузо надеялся, что когда-нибудь на горизонте появится корабль.

Получивший по суду «червонец» или «четвертак» может утешаться тем, что срок когда-нибудь кончится.

Но бесследно исчезнувший, он же «пропавший без вести», ни на корабль, ни на условно-досрочное, ни на конец срока рассчитывать не может...

Ладно, зайдем с другой стороны. Рассмотрим вариант элементарного побега. Ну, случится чудо, и окажется он вдруг по ту сторону забора... Куда идти? У кого искать понимание, защиту и помощь?

В милицию? В прокуратуру? Они сами его сюда и доставят.

В райком, горком, ЦК? Те напрямик выйдут на «контору».

В редакцию газеты, на радио или телевидение? Тогда brave ребята в белых халатах приедут за ним туда. И будь уверен, ни строчечки, ни фразочки о личности Баринава никуда не прорвется. Ни в эфир, ни на газетную полосу. На редактора даже цыкать не придется – должностное лицо посмотрит строго, и редактор любому тотчас очень доступно, с примерами, объяснит, что это был «пациент психиатрической лечебницы».

Объяснить можно, проверить нельзя. Да никто проверять и не осмелится.

Вот и получается, что даже теоретически – ничего, никогда и никому...

Железобетонная стена, облицованная ватой.

Пока идешь в колонне, разбившись на пятерки, ты – один из массы, и внимание на тебя минимальное. Его, вроде бы, и незаметно. Особенно тому, кто замечать не хочет. Но шагни в сторону – попытка к бегству, оружие применяется без предупреждения...

Что чувствовал отец, когда ему зачитали десять лет за контрреволюционную деятельность и терроризм плюс контрреволюционную агитацию и пропаганду? Статья 58-я, пункт 8 и 10.

Вот так вот, постепенно, и приходит четкое осознание безысходности...

Слишком полное представление имеет Баринов о внутренней кухне принятия решений, чтобы надеяться на по-

мощь и понимание. И слишком хорошо знает степень ответственности, вернее, безответственности разного рода должностных лиц и учреждений. И повадки важных людей, сидящих в высоких кабинетах, которые хоть и надувают щеки на публике, так только для самоутверждения. Поскольку прекрасно сознают и про себя: шагнешь в сторону – даже окрика не последует... Вот так аукается теперь Баринову и членство горкома, и номенклатурная должность, и владение ходами-выходами, умением лавировать среди власть предержащих, используя слабости одних и сильные стороны других...

Получается, что *знание* – не всегда *сила*. *Знание* – иногда и *бессилие*, а в данном конкретном случае – полная атрофия доверия к любым властным структурам.

Это, если по-ученому. А в народе говорят проще: *меньше знаешь – крепче спишь*.

Значит, принимаемся за рефлексии. Ретроспективную, ситуативную, а также перспективную. Иначе говоря, поразмышляем, как дошел до жизни такой, что ответить на поползновения Банника.

А также чем это все обернется в будущем лично для него, Баринова.

С одной стороны – конформизмом, сиречь соглашательством.

С другой стороны – упорством и несокрушимостью, иначе, фанатизмом.

Хрестоматийный пример – Галилей и Бруно. Хотя сравнивать себя со столпами – дурной тон.

Крайности – это понятно. А возможен ли компромисс?

В общем-то, похоже, его не избежать. Однако, компромисс – продукт двусторонний. Весь вопрос, далеко ли каждая сторона может зайти в стремлении к нему? Можно ли – принципиально! – достичь соглашения, чтобы и Банник, и Баринов были удовлетворены? И волки сыты, и овцы целы... Знать бы только, кто здесь волк, а кто – баран?

Как определить грань, за которую он, Баринов, выйти не может, не поступившись принципами?

Кто-то сказал – Дизраэли? Черчилль? – что настоящий политик должен знать, когда прятать принципы в карман, а когда доставать их из кармана... Но Баринов-то не политик, а ученый!

Надо потянуть время, а попутно выпотрошить Банника. Насколько тот сам позволит, и насколько это удастся ему, Баринову. Дальше – «будем делать посмотреть». Война план покажет. И вообще – поможет отличить «первое от второго»...

К слову – ради того, чтобы понять, а что же на деле представляет собой «эффект Афанасьевой», допустимо, наверное, пойти на определенные издержки. Даже может, на жертвы.

Первый трудовой день негоже начинать с опоздания, и в восемь двадцать пять Баринов подошел к подъезду административного здания, слегка беспокоясь как себя вести с «коллегами», вернее, с подчиненными. Он никого не знает, его никто не знает...

В «свой» кабинет он проник абсолютно явочным порядком, словно проделывал это сотни раз.

Вахтер (уже другой, не вчерашний) поприветствовал его первым – «Доброе утро, Павел Филиппович!» – и поспешил нажать кнопку, разблокировав турникет.

В приемной из-за стола поднялась и приветливо улыбнулась навстречу женщина лет тридцати с внешностью типичной московской секретарши. И выговор у нее оказался типично московским.

– Здравствуйте, Павел Филиппович! Я ваш секретарь, зовут Анна Сергеевна, можно просто Аня. Ваш кофе будет через пять минут.

На ее столе уже лежали какие-то бумаги и вскрытые конверты, пишущая машинка на соседнем расчехлена, дверца сейфа, стоящего сбоку, слегка приоткрыта.

– Доброе утро, Анна Сергеевна. Вы давно здесь?

– У меня рабочий день начинается на полчаса раньше, Павел Филиппович, ровно в восемь... Почту я сейчас кончаю

разбирать. И еще Валерий Иванович хотел зайти, как только вы будете у себя.

Баринов кивнул невозмутимо.

— Хорошо, я жду. — Он перевел взгляд на дверь слева. — Николай Осипович не появлялся?

В глазах секретарши промелькнул непонятный огонек, но ответила она так же ровно и предупредительно:

— Николая Осиповича не будет до конца недели, он в командировке.

Баринов снова кивнул и своим ключом открыл дверь кабинета.

В сопровождении Долгополова Баринов снова прошел по лабораториям. Знакомился с сотрудниками, выслушивал краткие доклады заведующих, задавал вопросы, пытался вникнуть в ответы... И все больше и больше недоумевал, зачем Банник стремится втянуть его в круг своих обязанностей и проблем.

Задачи, над которыми работали здесь, только самым краем соприкасались с областью, в которой был занят он сам. Об этом он задумался еще вчера вечером в кабинете в коттедже, когда читал, продираясь сквозь запутанные формулировки, сводный тематический план НИИ-403 на текущий год.

Ну да, в институте работали биологи, физиологи, биохимики и биофизики... да только их научные интересы лежа-

ли совершенно в других плоскостях. И зачем директором над ними понадобилось ставить нейрофизиолога, пусть даже доктора наук, но исключительно экспериментатора по духу и сути – совершенно непонятно... Разве что обеспечить си-некурой самого директора.

Это напоминало, как если бы узкого специалиста по червям-нематодам поставить руководить коллективом, исследующим, скажем, экологию Байкала. Или, допустим, астрофизика, признанного авторитета по внегалактическим объектам, переключить на изучение строения солнечной системы. Или инженера-дизелиста привлечь к работе над жидкостными реактивными двигателями... Ряд можно продолжить до бесконечности. Биолог биологу рознь, как и инженер инженеру.

Так ради чего, собственно, Банник нагородил весь этот сыр-бор?..

Сотрудников Баринов запоминать специально не старался. Вот так, мимоходом, в человеке не разберешься, а если вдруг придется работать в контакте, найдется время познакомиться теснее.

Его больше занимало другое.

Средств на оснащение института, похоже, не жалели, такого оборудования еще поискать. Кое-что из виденного он, конечно, встречал в московских лабораториях, в Новосибирске, Ташкенте, Ростове, Харькове, но о большинстве даже читать и слышать не приходилось. Наполовину, а то и на две

трети импортное: несколько французских электронных микроскопов, два японских магнитно-резонаторных томографа, шведские ультразвуковые и инфракрасные сканирующие комплексы, мыслимые и немыслимые анализаторы всего и вся... А уж операционная словно целиком перенесена из Мюнхена или Франкфурта-на-Майне, химико-биологическая лаборатория – из Глазго, гистологическая – из Цюриха...

К аппаратуре трех электронно-биофизических лабораторий он особо не присматривался, там своя специфика, ему недоступная, а подразделения, которое бы занималось исследованиями в области нейрофизиологии, как он понял еще раньше, в НИИ просто не существовало.

Зависти не испытывал, хотя, как понял, всю жизнь ему приходилось работать на аппаратуре вчерашнего дня. Так только, присутствовало небольшое удивление и некоторая досада пополам с легким недоумением... Н-да-а, прав Банник, современной наукой трудно заниматься по настоящему в Киргизии, Армении, Саратове, Пензе и Хабаровске...

День выдался не столько тяжелым, сколько утомительным.

Чтобы все увиденное и услышанное не слилось в сплошную и неразделимую круговерть, Баринов старался не торопиться. После очередного подразделения он выводил Долгополова наружу, усаживал на лавочку в тени, и заставлял

вкратце повторить: а чем, собственно, занимается данная лаборатория, отдел, сектор?.. Сам курил, переспрашивал, задавал вопросы, проверяя себя, и с легким сожалением констатировал, что в чем-то приходилось его и поправлять. Ну да, завхоз есть завхоз, пусть и с медико-биологическим образованием.

На такие перерывы иногда требовались две сигареты, ведь по комнатам и коридорам буквально на всех углах висели грозные таблички «No smoking!», и, похоже, это правило внутри помещений соблюдалось неукоснительно.

...Они попрощались с заведующим сектором биомеханики, последнего, где намечал побывать в этот день Баринов, и вдруг в коридоре, прямо над головой, громко зазвучал прерывистый зуммер.

– Семнадцать тридцать, конец рабочего дня, – пояснил Долгополов, заметив его недоумение. – Мы не приветствуем сверхурочную работу. В шесть часов отправляются автобусы, надо на них успеть. Есть, конечно, еще два дежурных – в восемь и десять часов, но это для технического персонала.

– Вы тоже добираетесь автобусом, Валерий Иванович?

– Нет, зачем же. У меня персональный автомобиль. А некоторые приезжают на своих машинах, бензин мы оплачиваем.

Они вышли на крыльцо.

На пустынных днем аллеях то тут, то там стали появляться люди. По одному, по двое, небольшими группками

они неторопливо шли в одном направлении – в сторону административного здания, к автобусной стоянке.

– Ну что ж, Павел Филиппович, разрешите откланяться, – Долгополов протянул ему руку. – Мне еще надо забежать к себе.

– Да-да, разумеется, – спохватился Баринov. – До завтра, Валерий Иванович.

Он прошел в небольшую беседку, почти целиком скрытую зеленью.

День утомительный, но продуктивный. Если абстрагироваться от действительности, а сосредоточиться только и исключительно на науке.

Значение фундаментальных разработок, ведущихся в НИИ, вот так, с ходу, не поймешь, тем более не оценишь, но размах впечатлял. Особенно исследование поэлементно функций глубинных областей головного мозга. Это раз. Важностью и необходимостью попыток «сборки» *биокомпьютеров* на базе клеток мозга млекопитающих при беглом знакомстве он не проникся – что мудрить, природа сама постаралась, сотворив мозги хотя бы тех же крыс, причем, мозги не самые плохие. Однако допускал, что дело не только интересное, но может стать полезным и даже перспективным. Это два. По-настоящему его заинтересовали только работы по биопротезированию элементов опорно-двигательного аппарата, а также органов слуха и зрения. И это – три.

Четвертым же, а может, главным, было то, что ни одна

из тем, ни одна из разработок этого сверхсекретного НИИ не заслуживала, с точки зрения Барина, никакой секретности вообще. Что вводило в некоторую растерянность – если секретить нечего, то зачем тогда секретить?.. Сразу приходило на ум – таким приемом легко достигалась не только неограниченность финансирования, но и независимость и не подконтрольность любых исследований. Как душа захочет! Или – левая пятка. Хоть икроножный рефлекс изучай... Да и зарплата здесь, надо полагать, далеко не по академическим ставкам.

Невольно вспомнился Мишка Зырянов, друг и закадычный приятель. Жил тот напротив, через улицу, с первого класса сидели за одной партой. После школы попал в армию, там вступил в партию, дослужился до старшего сержанта. Окончив университет, три года отработал по распределению в школе воронежской глубинки. Активный был парень, вдобавок идейный и горластый, и пригласили его инструктором в сельский же райком комсомола. Первое, о чем он задумался – отчего его зарплата вдвое выше зарплаты учителя? И, по простоте душевной, попытался выяснить это у старших товарищей. Второй секретарь, курировавший его, который и сагитировал сменить работу, внимательно выслушал, задал пару-тройку уточняющих вопросов, а потом ответил на полном серьезе, достаточно весомо: «Мы с тобой, Миша, не имеем права отвлекаться и размениваться на мелочи быта, потому что выбрали путь профессиональных революци-

онеров!»

Так что – ай да Банник, ай да молодец! Ай да сукин сын!

А может, ему просто не все показали? Допуска-то нет...

Забавно, прямо анекдот: директорство есть, а допуска нет...

Аллейки обезлюдели, седьмой час. Пора «домой». Отужимаем, что бог послал, да поработаем с документами. Противную сторону надо знать не только в лицо, но и изнутри.

Но сначала хорошо бы провести эксперимент, который во многом уточнит дальнейшее... И он направился к проходной.

Результат оказался ожидаемый – охранник попросту его не выпустил. Потребовал пропуск, которого, естественно, у Барина не было. Впрочем, как и любых других документов. И на просьбу позвать караульного начальника отвечал однообразно и коротко – «Не положено!»... Что и требовалось подтвердить.

...Свернув на аллею к коттеджам, Барин резко остановился, глухо стукнуло в груди. Напротив его домика стояла Лиза... Неужели и ее тоже?..

Через секунду наваждение исчезло, а стоило женщине повернуться, Барин уже не понимал, как мог обознаться. Ну да, и фигура – один в один, и темно-русые волосы с легкой рыжинкой, и та же манера в ожидании пристукивать носком туфельки по асфальту... Но тип лица совершенно другой, но слишком яркий, близкий к вульгарному макияж, но громадные серьги-кольца в ушах, и эта нелепая клеенчатая хо-

зыйственная сумка через плечо... Словом, показалось. Однако, в первый момент, сердце дало-таки перебой.

Женщина увидела Барина и заулыбалась, торопливо поправила прическу, а когда он подошел поближе, громко поздоровалась:

– Здравствуйте, Павел Филиппович! Я вот в дом не захожу, решила вас здесь дожидаться.

– Здравствуйте, – Барин остановился перед ней в легком замешательстве. – Извините, мы знакомы?

– Ой, нет, конечно! – Женщина всплеснула руками. – Вы наш новый директор, а я Вероника, горничная. Валерий Иванович сказали, что вы вчера заселились, и я буду убираться у вас, за порядком следить.

– Гм, вот так, значит, – Барин подумал, кивнул. – Ну что ж, Вероника, давайте пройдем, потолкуем, – и по дорожке направился к дому.

Женщина шла следом и говорила, говорила не переставая. В прихожей она привычно сбросила туфельки, босиком прошла за ним в гостиную, нимало не смущаясь, без приглашения, села на диван – все так же непрерывно выдавая информацию, необходимую, по ее мнению, новому жильцу и новому директору.

Сообщила, что ей двадцать девять лет (соврала, конечно, по всем параметрам не меньше тридцати пяти), что живет в поселке неподалеку с мамой и дочерью, что бывший муж объелся груш и десять лет как в бегах, даже алиментов

не платит, что окончила медучилище, но по специальности работы не нашлось. Пошла в совхоз учетчицей, потом продащицей в райпо, а потом сосед дядя Костя устроил сюда, в институт. Здесь нравится – люди все ученые, культурные и вежливые, ни мата-перемата, ни пьянок-гулянок, даже почти не пристают. Вдобавок платят хорошо, в совхозе не всякий механизатор столько получает. А еще два раза в месяц дают продовольственные заказы, а там гречка, индийский чай, сервелат... И рабочий день ненормированный, пропуск с полосой, вход-выход в любое время, хоть днем, хоть ночь-полночь. Летом хорошо, у нее велосипед, зимой, правда, или пешком, или автобуса ждать... У жильцов положено три раза в неделю убираться, когда им удобно. Постельное белье меняется раз в неделю, а что постирать, так в бельевой ящик кладите. Если еще что надо, на бумажке напишите, а бумажку в кухне на холодильнике оставьте. А в кабинете у вас как, можно без вас убираться? А то вон Николай Осипович, например, ругаются, если без него, порядок, мол, нарушаю, потом не найдешь ничего...

Она говорила и говорила, а сама постреливала глазками, проверяя почти после каждой фразы, какое впечатление производит, наивно и неприкрыто кокетничала – то волосы без необходимости поправит, то сарафанчик одернет, то на нем несуществующую складочку примется разглаживать...

Но, наконец, спохватилась, глянув на маленькие золотые

часики на запястье:

– Ох, разболталась я что-то, извините, Павел Филиппович! А вам-то и поужинать надо бы, и поработать, наверное, так ведь? А я время у вас отнимаю своей болтовней. Вы скажите, когда к вам лучше приходиться? Ключ у меня есть...

Обговорили дни и время уборок. Баринов уточнил кое-что по ходу, и Вероника, еще раз глянув на часы и снова охнув, подхватила сумку и умчалась по аллейке в сторону административного корпуса.

Баринов из окна проводил ее взглядом и вздохнул с облегчением – все же утомила она словесным водопадом. Но прислушался к себе и с удивлением отметил, что к облегчению примешивается некоторая доля сожаления. Вдруг почувствовал, что не хватает ему простого человеческого общения. Такого вот легкого, непринужденного, когда не надо лихорадочно просчитывать на ходы вперед, следить за своим и чужим словом, мучительно предугадывать – куда же повернет разговор собеседник... Когда не требуется каждый миг быть настороже. Бдить, одним словом.

Давно не общался он с людьми, которым нужен только слушатель, которые вот так легко, бесхитростно и бездумно способны болтать часами: обо всем – и ни о чем... Да и вообще, когда он в последний раз «ходил в народ»? Сотрудники и коллеги, друзья и приятели, испытываемые и подопытные – не в счет.

Подавая утренний кофе, секретарша сказала:

– Павел Филиппович, в приемной Арзыбов. Просит принять.

Баринов слышал эту фамилию от Банника и непроизвольно бросил короткий взгляд на дверь кабинета.

– Да-да, просите, Анна Сергеевна. Тогда еще чашечку, пожалуйста.

Решительная, твердая походка, расправленные плечи и прямо поставленная голова не оставляли сомнений в профессии вошедшего. Даже обычные темные брюки с острой стрелкой и белая рубашка с коротким рукавом смотрелись на нем словно форменные.

– Здравия желаю, товарищ директор. Разрешите представиться – Арзыбов Роман Глебович, начальник режима и ваш заместитель.

Баринов еще раньше поднялся из-за стола и, выйдя на встречу, пожал его крепкую, но маленькую, словно женскую, руку.

– Очень приятно, Роман Глебович. – И представился в свою очередь: – Баринов Павел Филиппович, *исполняющий обязанности* директора... Присаживайтесь, пожалуйста. Сейчас будет кофе.

Они сели по обеим сторонам приставного стола и, не пря-

ча взглядов, с полминуты внимательно и пристально изучали друг друга.

– Редкая фамилия у вас, Роман Глебович, – сказал Баринов, дождавшись, пока секретарша принесла еще один кофе. – Помнится, в начале семидесятых в театре «Ромэн» была такая молодая актриса – Верочка Арзыбова. Не солистка, конечно, на вторых ролях, но каков голос, какова статья!

Выражение лица Арзыбова не изменилось, только в глазах блеснула едва заметная искорка.

– У вас хорошая память, Павел Филиппович. А Вера Арзыбова – моя родная тетка по отцу. Она и по сей день играет в той же труппе.

– Да что вы говорите! – вполне искренне удивился Баринов. – Ну и дела! Тесен мир... Нас однажды познакомили после спектакля, и я навязался в провожатые. Мы шли пешком по Ленинскому проспекту до «Динамо», а дальше она провожать запретила, уехала на метро сама. Жила она тогда на Садовой-Самотечной, напротив театра Образцова.

Они помолчали, сделали по паре глотков кофе.

– Н-да-а, – задумчиво проговорил Баринов. – Волнующая женщина, настоящая цыганская баронесса. Ей нравилось, когда я ее так называл... Ну да ладно, поговорим о наших делах. Что вы имеете мне сообщить, Роман Глебович?

– Поскольку вы, Павел Филиппович, человек в коллективе новый, считаю необходимым доложить вкратце о принятой в НИИ режимной системе. Ввести вас, так сказать, в курс.

Баринов прищурясь посмотрел на собеседника и сказал с плохо скрытой иронией:

– Интересный поворот. *Мне* – и вдруг о режиме, охране, системе наблюдения и прослушки... Наверное, сообщите также пароли, ключики, явки... что там еще может быть?

Арзыбов выслушал спокойно, не перебивая и никак не реагируя ни на слова, ни на тон.

– Нет, такими подробностями я вас обременять не стану. Детали и нюансы в моей компетенции. А вот общими принципами нашей режимной системы вы как руководитель должны, по-моему, владеть в полной мере.

– А вот от этого увольте, Роман Глебович! – жестко сказал Баринов. – Вашей системы я не знаю и знать не хочу, это – не в моей *компетенции*. Но буду весьма благодарен, если хотя бы вы объясните – в качестве кого, и на каком положении я здесь нахожусь. Заодно – на каком основании.

– Извините, я не совсем понимаю...

– А что тут непонятного? – перебил его Баринов. – Выйти за пределы вашего периметра я не могу, почтового отделения нет, «межгород» отключен, – он указал на единственный телефонный аппарат на письменном столе. – А если учесть обстоятельства моего появления здесь...

– Извините еще раз, Павел Филиппович, но мне ничего не известно об обстоятельствах вашего появления. Этот вопрос я обсуждать не могу. В остальном же действую на основании приказа и соответствующих должностных инструк-

ций. Междугородная связь отсутствует на всей территории городка, а пропускная система исключений не знает. Как только оформят допуск, я моментально выпишу пропуск на ваше имя.

– Хорошо, спрошу тогда в упрощенной форме: каков мой статус – «зэк» или «вольняшка»?

И снова ни одна черточка не дрогнула в лице Арзыбова.

– У вас искаженное представление о нашей службе, Павел Филиппович. Мы не делим сотрудников на подобные категории.

– И все же?

– Вы – исполняющий обязанности директора закрытого научно-исследовательского института и как все его сотрудники подчиняетесь положению о режимном предприятии.

– Но мне неизвестно это положение!

– Как только придет допуск, я познакомлю вас с этим документом.

Баринов откинулся на спинку кресла, снова всмотрелся в лицо Арзыбова.

Забавно получается. Два зама – две противоположности. Один из всех сил старается казаться умным, а второй, словно специально, строит из себя эдакого служаку дуболома... Ладно, еще раз проверим его «на вшивость».

– Скажите, Роман Глебович, а вас не удивило, что человека, не имеющего допуска к секретам, вдруг назначают главой режимного учреждения?

– Никак нет, Павел Филиппович. Решение руководства. У меня приказ, а приказы, как вы знаете, не обсуждаются.

– Положим, вторая-то форма у меня открыта. А у вас, видимо, необходимо иметь первую форму?

– У нас, Павел Филиппович, предприятие специфическое, и формы допуска, соответственно, особые, специфические.

– И как долго мне ждать?

– Обычно недели две-три, но не больше месяца.

– Понятно, – протянул Баринов. – Кстати, Роман Глебович, некто Шишков – это ваш сотрудник?

– Согласно штатам он в моем подразделении, но подчиняется непосредственно Николаю Осиповичу.

– Что ж, пока мне все понятно. Роман Глебович, у вас ко мне какие-нибудь конкретные вопросы есть?.. Ну и славно. Тогда давайте вернемся к нашему разговору, как вы сказали, через месяц. Хорошо?

– Так точно, Павел Филиппович. Разрешите быть свободным?

Баринов проводил его до двери, и когда они обменивались рукопожатием, Арзыбов вдруг спросил – будничным, почти домашним тоном:

– Баронессе привет передать? Она, кстати, живет там же, напротив Образцова.

Ошарашенный, Баринов только кивнул в ответ. Арзыбов улыбнулся и скрылся за дверью.

Разговор с начальником режима совершенно выбил из колеи.

Н-да-а, как ни хорохорься, как ни бодрись, а нервишки за последнее время поизносились, с горечью вынужден был констатировать Баринов. А в народе принято считать, что нервные клетки не восстанавливаются...

Плюнуть бы да уйти к себе в коттедж, и гори оно все синим пламенем!.. Да что толку-то, что в коттедже, что в рабочем кабинете... Та же задница, только вид сбоку.

Он сидел за столом и чувствовал, как маленькая занозинка, что появилась в сердце после самой первой встречи с Банником еще во Фрунзе, та легкая, едва заметная щепочка-занозинка, превратилась во что-то иное. Собственно, похоже, она все это время незаметно трансформировалась.

Первый раз он почувствовал ее в тот момент, когда Омельченко кончиком карандаша шевелил пепел, оставшийся на журнальном столике от скомканного листка бумаги... Когда Шишков выстрелил в него из газового пистолета, из щепочки она превратилась в стальную занозу. И странное дело, не менялась ни тогда, когда он осознал себя в одиночной палате ведомственной психушки, ни когда Долгополов знакомил с комфортабельным коттеджем-тюрьмой, почти открытым текстом говоря, что пробыть ему здесь придется очень и очень долго. Даже появление Банника так и оставило занозу металлической стружкой, болезненным инородным телом, с которым жить, честно говоря, вполне

можно. Правда, разговор с Банником превратил ее из просто стальной, подверженной ржавлению, стружки, в сверхпрочную, титановую колючку, ничем не извлекаемую...

Но сейчас, после откровений Арзыбова, он понял, что эта титановая колючка стала титановым же костылем, похожим на те, которым крепятся рельсы к шпалам. По остроте – колючка, по тяжести и прочности – костыль.

Ярость, которая угнездилась на дне души в первые минуты одиночной палаты, не увеличивалась, потому как расти ей было уже некуда, но тоже трансформировалась, переформировывалась, становясь упорядочение, конкретнее, весомее.

И приходило понимание, что с яростью в душе и титановым костылем в сердце придется что-то делать, что они не оставят его, если вдруг он попытается спустить все Баннику на тормозах. А может, и не ему вовсе, а системе, в которой возможны банники...

Когда Банник взглядом воспламенил скомканный листок бумаги, ничего, кроме изумления, кроме стремления не упустить ни малейшей детали увиденного, у Баринова не возникло. Осознание пришло позже. Омельченко кончиком карандаша пошевелил бумажный пепел, а вдруг почудилось, что видит он золу и головешки на месте дома дяденьки Васи и тетеньки Маруси в Сосновке... Одномоментно, вдруг, занялось их подворье глухой полночью. Старенькие они уже были, не то что выскочить, проснуться, наверное, не успели. Всполошенные глухой порою соседи только и смогли раста-

щить заборы да сараюшки, чтобы не занялось пламя дальше, а уж тушить даже не подступались... Поутру в соседнем дворе нашли бутыль из-под керосина, а на остатках крыльца обнаружили обгоревший кол из забора, которым была подперта дверь...

Баринов помнил, как тогда что-то кольнуло его в сердце, очень похожее на сегодняшнее. И помнил свое детское горестное недоумение – как же так? Почему? За что?.. Они же старенькие, дяденька Вася и тетенька Маруся. Они же никому зла не делали и не желали. Их-то за что?

Ассоциации темные, скрытые и непонятные, но привели же его от кучки пепла на столе до чадающей груды головешек и покосившейся черной печной трубы на месте дома...

Титановый костыль в сердце никому не виден, но он есть, и от этого факта никуда не денешься... И такое впечатление, что он уже не исчезнет никогда.

Глава 3

1

Объявился Банник по-будничному просто.

Утром его кабинет оказался открытым нараспашку. Сам Банник сидел за столом и что-то негромко внушал стоящей сбоку секретарше, но вошедшего в приемную Баринова углядел сразу. Повернул голову, улыбнулся, приветливо махнул рукой.

– Заходи, заходи, Павел Филиппович! С нетерпением жду!.. Итак, Анюта, все ясно? Черновики занеси к вечеру, предварительно покажешь Долгополову. А мы тут своими делами займемся. И кофейку нам, прямо сейчас.

– Что, успел за неделю соскучиться? – Баринов неторопливо прошел огромный кабинет, ногой развернул кресло, сел лицом к Баннику. И обратился к секретарше: – Анна Сергеевна, а еще, пожалуй, по рюмочке коньячка – отметим встречу.

Банник даже ухом не повел, только кивнул, соглашаясь.

И кофе, и коньяк возникли почти мгновенно. Неплохо они тут вышколены, уже привычно отметил про себя Баринов.

– Ну, что скажешь? – нетерпеливо спросил Банник, как

только за секретаршей закрылась дверь кабинета. – С материалами познакомился? Мысли появились?

– Какие конкретно мысли тебя интересуют? – Баринов поднял рюмку и не торопясь, почти демонстративно, ее осушил. Сделал глоток кофе, поставил чашку. – По тематике института, что ли?

– Плевать я хотел на институт! – с явной досадой сказал Банник. – Плевать, понял? Мне нужен «эффект Афанасьевой».

– Институт большой, слюней не хватит, – равнодушно заметил Баринов. – Что касается упомянутого эффекта... Мне нужны нормальные материалы, а не жалкие выжимки в чьей-то бездарной интерпретации. Все, ясно?

– Будут тебе материалы, все, без исключения, – Банник взял себя в руки. – Прямо сегодня же. А пока – соображения какие-нибудь есть?

– Есть, как не быть. Но сначала ответь на кое-какие незамысловатые вопросы. Например: откуда берется энергия? – а, на гнутье стрелок часов, бэ, на нагревание бумаги до температуры четырехста пятьдесят один градус по Фаренгейту...

Банник сосредоточенно молчал, глядел мимо, в сторону. Ни к кофе, ни к коньяку он не прикоснулся.

Баринов развел руками.

– Ну вот, что и требовалось доказать. А талдычишь о какой-то мифической открытости, о доверии... На деле же –

сначала ты меня повозишь, а потом я на тебе покатаюсь. Не так ли, Николай Осипович?

Банник внимательно посмотрел на него, потом медленно произнес:

– А если я отвечу: «не знаю!» – что тогда?

– Тогда... На очереди у меня много таких вопросов, и все их я тебе задам, – мстительно пообещал Баринов.

– Вот что, – Банник помедлил, потом решительно поднялся. – Здесь не место. Давай пройдем – ко мне, к тебе... куда скажешь. Там и поговорим.

– Пройти нетрудно, – пожал плечами Баринов и тоже встал. – Ежели говорильня еще не надоела.

Всю дорогу до жилого сектора оба молчали.

Их коттеджи кроме цифры на фасаде практически ничем не отличались – словно номера в гостинице. Даже набор мебели и ее расстановка оказались точно такими же. Но отдать должное надо – уютно, хоть и несколько казенно.

Не сговариваясь, направились не в кабинет, а в гостиную. Хозяин уселся на диване, Баринов выбрал кресло напротив.

– Ты на все требуешь объяснений. Но никак не поймешь – я не могу все это объяснить. Попросту не знаю, – устало сказал Банник, продолжая прерванный разговор. – И очень надеюсь, что сможешь ты.

– Я тебе не верю. Как ты *это* не поймешь.

– Хорошо. Что конкретно ты хочешь услышать?

– Ты идиот, Банник? Или умело притворяешься? – сказал

Баринов ровным, нейтральным тоном. — Ты очень хочешь, чтобы я тебе помог. Тогда колись до донышка, включая все соображения. Я занимаюсь *странными снами* полтора года, ты — лет тридцать. Это раз. Далее, это ты видишь *странные сны*, а не я. Ergo, ты для меня представляешь интерес всего лишь как подопытный кролик, не более... И поэтому на первый случай продемонстрируешь тут же все, на что способен — исходя из эффекта Афанасьевой-Банника. Покажешь себя, так сказать, во всей красе.

— А что! — ухмыльнулся вдруг Банник. — Покажу! И с кроликом — тоже согласен... И вообще, — неожиданно признался он, понизив голос. — Если бы ты знал, как приятно иногда быть подчиненным, а не начальником... Давай, Баринов, командуй!

До полигона шли длинной, почти километровой аллеей.

Упиралась она в КПП со шлагбаумом. Направо и налево от него тянулась густо натянутая на бетонных опорах колючая проволока. Под навесом у сторожки сидел человек в военной форме, но без знаков отличия. Пригляделся к ним, поднял шлагбаум – молча, как бы даже равнодушно.

За купой вековых деревьев повернули направо и остановились перед двухэтажным зданием красного кирпича с окнами, забранными коваными решетками из прутьев чуть не в руку толщиной.

Банник сказал:

– Вот отсюда все началось. В декабре двадцать четвертого Глеб Иванович Бокий, начальник Спецотдела ОГПУ, назначил Иванова-Барковского врио заведующего лабораторией по изучению электрического излучения мозга человека. Отвели под нее этот домик – бывшую стеклодувную, а потом мастерскую по ремонту телефонных и телеграфных аппаратов.

– А как же Большая Дорогомиловская? – негромко спросил Баринов.

– В тридцать восьмом Бокия ликвидировали, как человека Ягоды и врага народа. Ближайшее окружение тоже шлепнули. Многих сотрудников посажали, в том числе и Бар-

ковского, разработки, естественно, похерили. После войны опомнились, кто остался в живых, вернули. В конце пятидесятых образовали несколько новых лабораторий, в том числе тебе знакомую, а здесь, на месте старой, развернули полигон. Два года назад его законсервировали, под Новосибирском открыли новый, современный. А этот... Ладно, пойдем, посмотришь сам.

В здание зашли с торца. Обшарпанную металлическую дверь, ведущую в полуподвал, Банник открыл замысловатым плоским ключом. За ней оказалась вторая, бронированная, как в бомбоубежище или подводной лодке – с кремальерой, и с кодовым замком, словно у сейфа. Не таясь, Банник набрал шестизначную комбинацию цифр, да только Баринов поздно спохватился, запомнил только три последние – три-пять-два.

В свете неярких ламп по стенам прошли гулким коридором до лестницы, поднялись на второй этаж.

«Ага, вот оно как! – Баринов почти с облегчением увидел в первом же помещении привычные занавески-шторы, за которыми угадывались спальные места, знакомое оборудование на столах у стены и по центру. – Значит, эксперименты по сну все же ведутся. Только спрятаны подальше».

В комнату Банник входить не стал. Он пропустил вперед Барина, а сам остался в дверях.

– Здесь и дальше на этаже все почти так же, как у тебя, – пояснил он. – А вот внизу... Идем, идем.

– Минуточку.

Баринов втянул воздух носом... Как ни проветривай, как ни наводи марафет, а затхлость нерабочего помещения разом не исчезает. Сколько оно пустует – год, два, пять?

Он прошел вглубь, как бы невзначай, мимоходом провел пальцем по лабораторному столу, по кожуху самописца, по полке стеллажа... Да, генеральная уборка налицо, и не далее как вчера-позавчера – вон как все блестит. Это что ж, специально готовились к его визиту-экскурсии?

Этажом ниже – а спустились уже по другой лестнице – ничего не напоминало биологическую лабораторию, скорее, нечто из области электроники или электротехники, не понять. Однако некоторая заброшенность, даже запущенность ощущалась и здесь. Очень похоже, что по каким-то причинам зданием не пользовались давно.

Но Банник держался легко и привычно.

– Ну что, начнем, пожалуй, – он подвел Барина к некоему устройству – или прибору? – занимавшего почти целый угол комнаты. – Грубо говоря, это очень точные электронные весы. Вон та пластмассовая пластинка за стеклом – датчик давления, он в вакууме. Вот это – дисплей, показывает, какая сила воздействует на ту плоскость. Следи за мной.

Он сел в кресло перед установкой, щелкнул несколькими тумблерами. Затем демонстративно положил руки на стол и задержал дыхание, вперив взгляд в тот блестящий, словно отполированный, кусок пластика внутри толстого стеклян-

ного колпака. Экран, похожий на телевизионный, засветился, по координатной сетке поползла, оставляя за собой след, яркая светящаяся точка – вверх и вправо, потом вниз, прописывая нечто вроде синусоиды.

– И что это значит? – спросил Баринов, когда Банник выдохнул и откинулся в кресле.

– А это значит, – Банник ткнул пальцем в верхнюю точку кривой на экране, – что сила, с которой я воздействовал взглядом на датчик, равна – смотри по сетке – примерно полтора ньютона, то есть около пятнадцати килограммов. Доступно?

Баринов пожал плечами.

– Не очень. Я бы предпочел что-то более наглядное.

– Н-да-а! – Банник насмешливо посмотрел на него. – Ты, вот что, свои медико-биологические штучки бросай! Мы вторгаемся в такие области, где нужно гармонию поверять алгеброй! А это значит, биологию – физикой, математикой и электроникой.

– Я не Моцарт и не Сальери, – отпарировал Баринов. – Я нейрофизиолог.

Банник поднялся и хлопнул его по плечу.

– Не обижайся. Я, когда понял, что на одной биологии далеко не уедешь, заочно окончил институт электротехники, электроники и автоматики... Да, да, – кивнул он в ответ на недоверчивый взгляд Баринова. – И курсовые писал, и экзамены с зачетами сдавал – без дураков и блата. А диплом

защитил на тему «О влиянии субмиллиметровых радиоволн на клеточные структуры мышечной ткани». Пошли дальше.

В следующей комнате Банник продемонстрировал, и тоже на солидно выглядевшей установке, как он взглядом нагревает предметы. Ничего он, конечно, поджигать не стал, просто смотрел на похожий датчик под похожим стеклянным колпаком, а на соответствующем экране высветилась цифра – триста пятьдесят пять.

– Это по Фаренгейту или Цельсию? – спросил Баринов.

– По Цельсию, – коротко ответил Банник. – Для справки: олово плавится при температуре 232 градуса, свинец – 327, цинк – 420. Железо – чуть более полутора тысяч.

– Так ты и железо можешь?

Банник испытующе на него посмотрел.

– Могу. Но это сопряжено с определенными, скажем так, издержками... Кстати, десять лет назад – не мог.

– И как же?

– Тренировка, – пожал плечами Банник. И спросил риторически: – Ну что, продолжим экскурсию?

«Умеет же устраиваться эта сволочь! – Баринов оглядел большую комнату здесь же на первом этаже, куда привел его Банник. Уютна, функциональна, обставлена так, что можно и поработать, можно и отдохнуть. – Или это свойство всех сволочей?»

Припомнилось, как после «мозгового штурма»* по пово-

ду генезиса странных снов Афанасьевой, приглашенный старый друг и приятель, проректор Ташкентского мединститута Илья Моисеев, уже в машине по дороге в гостиницу задумчиво сказал:

– Беляева читал? «Властелин мира».

– И что?

– А то, что я, кажется, знаю одного кандидата на такого «властелина».

– Шутишь?

– Нисколько. Банника помнишь?

– Личность известная. Ну, так он аж в первопрестольной. Институт, куча филиалов и лабораторий. Публикации интересные, оригинальные. А все остальное – так, слухи. Ничего конкретного.

– А он, тем не менее, подгрёб под себя почти всю нейробионику, психолингвистику, подбирается к кибернетике.

– Он же не математик, гольный биолог!

– Значит, освоил и ее. Главное ведь что: на стыке кибернетики и математики появляется новая наука – «киберематика», а на стыке бионики и кибернетики – Госпремия и звание академика.

Н-да-а, похоже, Илья как в воду глядел...

– Ну, ладно, положим, твои чудеса в решете я увидел, принял и усвоил. Колись дальше – как ты меня в болевой шок вогнал, как потом мозги прочистил... Тоже на приборах показывать будешь?

Банник почему-то хмыкнул – неопределенно и, как показалось Баринову, несколько виновато. Прошел в дальний конец комнаты, сел на диванчик сам, жестом пригласил Баринова.

– Понимаешь, какая штука, – сказал он и чуть поморщился. – В общем, извини, тогда я тебя под шумок, откровенно говоря, на *шару* взял. Вот, полюбуюсь.

Он достал из внутреннего кармана пиджака небольшую поблескивающую металлом коробочку размером с портсигар и протянул Баринову.

Тот взял, внимательно осмотрел. Тяжелая вещица, граммов под триста. На лицевой стороне, там, где на портсигарах обычно выдавлен рисунок, зеленая и белая кнопка, рядом переключатель на четыре положения. В торце – чуть выдающийся, слегка растянутый по бокам раструб, закрытый пластиковой пластиной.

– Это нейрошокер, по аналогии с электрошокером. Излучение направленное, интенсивность регулируется, радиус действия до пяти-восьми метров. Питание – две батарейки «Крона» плюс концентрированный бульон с биодобавками и консервантами.

– Бульон-то зачем? – машинально спросил Баринов, возвращая «портсигар».

– Электроника там работает как пускатель, как раздражитель, а излучает живая ткань. Ей не электричество, ей бульончик нужен. Это *биологическое* излучение.

– А ткань откуда?

– Из мозгов, Павел Филиппович, из мозгов, вестимо!..

Клетки неких подкорковых областей неких позвоночных хирургическим путем собраны в определенный комплекс, нервные связи между ними также определенным образом переформатированы. Получили новое качество, так сказать. Работает в двух режимах.

...Баринов сидел, закинув ногу на ногу, рассеянным взглядом скользил по сторонам.

Забавная ситуация создалась.

Вот показали ему всякие разные чудеса, но как-то все они оказались на поверку прозаическими, будничными. Вроде бы, словно так и положено, само собой разумеется. Вроде бы так было всегда, и только невежда этого не знает.

Такие вот тривиальные чудеса, любой сопливый мальчишка из подготовительной детсадовской группы так сможет.

И самое-то смешное, он, Баринов то есть, ничего чудесного в них уже не видит...

Вроде бы всю жизнь верил, что Земля плоская... Ну, не то чтобы верил, а просто знал как непреложный факт – *Земля плоская*. И факт этот настолько непреложен, что находится вне обсуждения.

Но посадили его в комфортабельный ракетоплан и свозили на экскурсию – сначала пара витков вокруг Земли, а потом даже на Луну: оттуда, мол, картинка нагляднее и пока-

зательнее...

И все, кончилось представление о блиновидной Земле на слонах с черепахой. Земля – шар, и с этим уже ничего не поделать. А главное – этот новый, переворачивающий все прежнее мировоззрение и мироощущение факт не вызывает у него ни малейшего отторжения. Факт будничнейший, повседневно-бытовой. Разве что подвигает на некую ироническую усмешку – надо же, все вокруг истово убеждены, что Земля стоит на слонах, а те на черепахе, а черепаха плавает в безграничном океане... Чудаки, честное слово!

...Ну, ладно. Пораспускал нюни, потешился – и хватит. А вот пока есть возможность, интересно прояснить еще и такой момент.

– Кстати, Николай Осипович, что-то я пока в твоём НИИ с оборонной тематикой не сталкивался. Или настолько глухо все секретить?

– Да нет, отчего же. Тематика тебе доступна. Плохо, значит, смотрел – галопом по Европам.

– Смотрел, что показывали. Сюда, например, не водили, нейрошокерами не хвалились... А секретить все подряд, извини, большого ума не надо. Эдак, засекретил исследование коленного рефлекса – и почивай на лаврах: все вокруг ходят на цыпочках и заранее тебя уважают.

Банник звучно рассмеялся.

– Во-от! – удовлетворенно протянул он. – Вот и ты на эту дурилку попался. Сколько повторять – не существует отдель-

но мирных или военных открытий и изобретений в фундаментальных исследованиях. Мирное или военное бывает их применение... Думаешь, почему Минобороны так охотно финансирует разработку биопротеза руки? Чтобы облегчить жизнь инвалидов войны и труда? Держи карман шире!.. Теперь представь, что нужно обезвредить фугас. Подъезжает к нему танкетка, вроде лунохода. А на ней моя биомеханическая рука, тоже управляемая на расстоянии соответствующими биотоками напрямую от мозга оператора, минуя периферию. Телекамера передает изображение, сапер с помощью моей руки обезвреживает фугас. Все живы, все смеются. Мы ведь еще обратную связь отрабатываем, кое-какие тактильные ощущения в мозг от этой ручонки идут... Или – работа в «горячей зоне» ядерного реактора. Ну, подкрутить там чего-нибудь, выдвинуть или задвинуть какую-нибудь хреновину – человека-то не пошлешь. А подвижное устройство, оборудованное опять-таки моей биоруклой, бога ради. Наблюдай из надежного укрытия да крути на расстоянии гайки с болтами. А еще можно пристыковаться к американскому спутнику-шпиону и демонтировать его прямо на орбите. Какие приборы нужно снять – сними, какие вывести из строя – сломай... Ну что, Павел Филиппович, чем тебе не оружие – биомеханический протез руки?... Нет-нет, ты ответь!

Баринов только и смог, что пожать плечами. Нет, конечно, о таких возможностях он просто-напросто не думал.

– А про искусственные мозги, сиречь биокомпьютер, и то-

го проще, – продолжал Банник, откровенно веселясь. – Да, они примитивные, однако ж ядерной боеголовке о философских проблемах размышлять не надо. Всего только дел, что увидеть заданную цель и вывести на нее как можно точнее свою сотню-другую килотонн в тротиловом эквиваленте. Не знаю, ты в курсе или нет, головные части наших баллистических ракет американцы собрались сбивать при помощи пучкового или лучевого оружия. Иначе говоря, направленным потоком заряженных частиц высокой энергии, который мгновенно разрушает обыкновенные электронные мозги. Поток электронов или протонов попросту выжигает микросхемы. А клетки мозга крысы так просто не выжечь! Конечно, мощнейшая радиация их тоже уничтожит, но не мгновенно, десяток секунд, а то и минут они еще продержатся. Для боеголовки больше не надо. Она в секунду почти восемь километров делает, считай, за минуту – полтысячи верст... Ну как, Павел Филиппович, надо, по-твоему, секретить такие разработки? Или пустить их в открытую публикацию? Приходи, кто хочешь, бери, что хочешь...

– Но мозги – не транзистор с резистором, их кормить-поить надобно, – заметил Баринов, таким хотя бы способом стараясь спасти реноме. Мол, и не такое видели.

– Ну да, а как же. Не только кормить-поить, но температурный и газовый режим поддерживать, живые все-таки. И живут недолго – пока не более трех лет. Зато любую систему ПВО взломают, как нечего делать.

Баринов подумал, потом кивнул.

– Ладно, убедил. Беру свои слова обратно – насчет секретности. По поводу же всего остального – увы!

– В смысле?

– Без меня.

– Не мне напоминать, не тебе, Баринов, слушать: уклонение от политики не уберегает от ее последствий! – меняя тон на серьезный, сказал Банник. – Так может, есть резон участвовать в этой кухне? Глядишь, удастся и политику хоть в чем-нибудь да подкорректировать.

– Позиция удобная, – пожал плечами Баринов. Знакомые разговорчики-междусобойчики просвещенных дилетантов на тему, что-де, внедрившись в систему, получаешь шанс ее реформировать. – Но ведь кто девушку ужинает, тот ее и танцует... Не так ли, Николай Осипович?

– Так-то оно так, – живо отозвался Банник. Потом подумал и сказал совершенно уже туманное и непонятное: – Правда, и девушки разные бывают. Иная и «динаму» включить может, а, Павел Филиппович?

Н-да, действительно, положение сложилось интересное.

Надо признаться, хотя бы самому себе, что ранее Банник представлялся ему крайне односторонне. Выходит, чуть ли не шаржировано. Теперь же, при ближайшем общении, он постепенно начал вырисовываться, так сказать, более рельефно. Получается, все далеко не однозначно... Вроде матрешки. На первый взгляд – будто цельная фигура, расписная и понятная. А присмотришься – ан, нет, внутри-то еще одна, и уже другая, непохожая. И что дальше ожидать, не знаешь. Вдруг откроется третья, четвертая... И какая из них истинная, настоящая?..

Ну и, по логике вещей, предыдущими чудесами день закончиться не должен. Наверняка у Банника припасен еще какой-нибудь сюрприз.

– Да-а, Николай Осипович, удивить ты меня удивил, скрывать не стану, – медленно произнес Баринов. – И все же, и все же... Кидай уж все карты на стол.

– Вот что... Предлагаю эксперимент. Сейчас ты проведешь сеанс – короткий, диагностический. Или ознакомительный – считай как хочешь. Ну, ты психотерапевт, ты знаешь. Легенький сеансик, в одно касание. Посмотришь сам, что у меня в мозгах. Годится?

Баринов недоверчиво посмотрел на собеседника. Предло-

жение не просто неожиданное, скорее, из разряда невероятных.

– Очередная хохма или как?

– Я шутить не умею и не люблю, хотя шутки понимаю. Так как?

– Без ассистента, без подстраховки? А вдруг я попробую...

Банник отстраненно махнул рукой.

– Не болтай ерунды. Давай, валяй. Надо же когда-то начинать.

Свою силу гипнотизера Баринов знал, без ложной скромности принимал место в негласной тройке по Средней Азии и Казахстану – по оценке коллег. Хотя практикой не занимался, разве что в исключительных случаях, по настоятельным просьбам. К гипнозу он прибегал только по необходимости как экспериментатор. Например, с той же Афанасьевой.

Правда, случились в жизни периоды, когда приходилось проводить по несколько сеансов подряд и ежедневно.

Элементами гипноза он, как все старшекурсники, естественно, владел. Но по настоящему, поначалу смутно, потом все четче, смог осознать свои возможности только в одной из экспедиций «гребенки» по выявлению скрытых экстрасенсов – в Пензе или в Воронеже, сейчас Баринов уже и не помнил.

Обычно трое-четверо сотрудников лаборатории ехали

в намеченный город, с недельку штудировали истории болезней в местной «дурке», если она была, а также в психоневрологическом диспансере, отбирая потенциальных «клиентов».

Откровенные психи и маразматики не годились. У кого нервишки разгулялись, кто розовых слонов и зеленых чертей периодически наблюдал – тоже отсеивали. *Гребенкой* вычесывали других – «странных». Если человек утверждал, что строит вечный двигатель второго рода, или сделал на коммунальной кухне выдающееся открытие оборонного значения, или в соседях у него маньяк, который каждую ночь из своей квартиры облучает его «лучами смерти», или он сам – второе воплощение Будды, или, скажем, прошлой осенью в колхозе на картошке ему сама Богородица явилась – вот это был их клиент... Разумеется, не обходили вниманием известных в местном народе знахарей и знахарок, «колдунов», «ведьм» и гадалок.

Без особого шума, под благовидным предлогом, перспективного человечка быстренько госпитализировали, а как набиралось три-четыре палаты, выезжала в город *Энск* бригада уже узких специалистов... И начинался отбор под видом медкомиссии из столицы.

Баринова использовали как лаборанта – запиши, подай, оформи...

Однажды очередной «клиент» никак не хотел впадать в гипнотический транс, а Михайлов, руководитель группы,

то ли устал, то ли перебрал накануне – начал сердиться, кричать, ругаться, еще больше его нервируя... Баринов не выдержал, сунулся по молодости: «Станислав Соломонович, можно мне попробовать?»

Стал перед седым дядькой с помятой мордой, пористым носом и оттопыренными ушами – зубным техником, изобретателем подводной лодки, способной также выходить в космос – глянул ему в лицо, провел раскрытой ладонью перед глазами... Дядька звучно икнул, расслабился на стуле, даже щеки одномоментно обвисли, и – уснул!

У Михайлова челюсть отпала.

Но надо отдать должное – немедленно взял Баринова под личный патронаж. Учил гипнозу *практическому*, с множеством тонкостей и нюансов, в том числе абсолютно *ненаучных*, однако действенных. Искренне радовался, когда очень скоро ученик превзошел учителя... И неустанно повторял, особенно подшофе: «Запомни, парень, гипноз – дубина о двух концах. Может откликнуться стократнее, чем сам аукнешь... И всегда помни: когда лезешь к кому-то в мозги, то совершается самое страшное, что только возможно – насилие над личностью. Тыщу раз подумай, тыщу раз прикинь – а надо ли?»...

Баринов пристально посмотрел на Банника, и что-то похожее на сочувствие шевельнулось внутри. Это ж как требуется ушатать мужика, чтобы сам, добровольно...

– Ну что ж, – сказал он негромко. – Раз так – садись по-

удобнее. Начинать действительно когда-то надо. Как себя вести – знаешь. Готов?.. Приступим.

В транс Банник вошел быстро, на удивление. Видимо, помогал сам. И Баринов недовольно поморщился – надо было все ж напомнить, чтобы не суетился, не бежал впереди паровоза. В таких случаях помощь пациента только мешает, мажет объективное восприятие. Его подсознание начинает услужливо подсовывать не то, что есть на деле, а то, что желает гипнотизер... Ну да ладно, зондаж сегодня не глубокий, а прикидочный, ознакомительный. Удастся хотя бы начерно набросать эскизы зон и областей его личности, и то, слава богу.

Открыв глаза, Банник первым делом глянул на часы.

– Двадцать минут... Немного... Что скажешь?

Что, что... Первое, медик медику врать не станет, второе, с какой стати ему щадить Банника? Есть и третье с четвертым-пятым...

– У тебя, Николай Осипович, не мозги, а слоеный пирог, – ворчливо ответил Баринов, потирая виски. С отвычки в голове ощущалась некоторая напряженность. – Сплошные барьеры, блоки, недоступные зоны. Я откровенно не понимаю, где среди всего этого прячется твоя личность. И как она вообще может функционировать.

Банник помрачнел.

– Настолько серьезно?

– Я провел только первичное сканирование, – уклончиво ответил Баринов.

– Плохо. Что-то вроде этого я и подозревал последнее время. Еще Барковский предупреждал – не занимайся самогипнозом, ничего доброго не получится.

– Как? – удивился Баринов. – Кирилл Витольдович знал?

– Вычислил меня в Бехтеревке, – нехотя ответил Банник. – Отец водил на консультацию по поводу снов, а у старика там имелись информаторы. Я как раз школу заканчивал.

– И что, сеансы проводил?

– Очень давно, на заре туманной юности, так сказать, – усмехнулся Банник. И сказал, предупреждая следующий вопрос: – Результатов не знаю, Барковский не говорил. Помому, он даже записей не вел, все держал в голове.

– А что с самогипнозом?

– Да так, кустарщина, – уклончиво ответил Банник. – Пробовал медитировать, входить в транс, погружаться в нирвану... ну и другие благоглупости.

– Ладно, приляг, отдохни. Можешь вздремнуть. Подробности – попозже.

Банник вяло махнул было рукой, но передумал и лег тут же, на диване.

Баринов открыл дверь в смежную комнату. Так и есть, здесь что-то наподобие кухни-буфетной.

Он сел перед окном, забранным кованой массивной ре-

шеткой.

Вот как получается.

Вот тебе и лавры первооткрывателя. Не то чтобы щелчок по самолюбию, но ощущение не из приятных. Выходит, просто выпал такой билетик – посчастливилось наткнуться на Афанасьеву и поработать с ней полтора года... А кое-кто этой темой начал заниматься еще двадцать лет назад. Или даже больше. Но похоже, с таким же успехом... Впрочем, кто знает? Тут же у них сплошные секреты с тайнами...

Что же касается конкретности – голова шла кругом.

Помнится, у Афанасьевой он нащупал на уровне подсознания три мощных барьера-блока. Ну, по крайней мере – три, придирчиво поправил он себя. Что за ними скрывалось, так и осталось загадкой. У Банника же при первом легком зондаже их обнаружилось не менее шести... Эх, как не вовремя исчез с горизонта тот молодой парнишка из Свердловска, Артюхов, кажется. Провести с ним хотя бы один, такой же легкий сеанс – как бы много это сейчас дало! Но втягивать человека в такое дело ни под каким видом нельзя. Может быть, позже. А пока спрятали его подальше, не выдали Баннику – и очень правильно сделали.

Ладно, не получилось с Афанасьевой и с тем парнем, примемся за Банника... Похоже, жизнь дает еще один шанс, и упустить его было бы исключительной глупостью. Все ж остальное – от лукавого...

Однако, поспешим. Пациент скоро должен очухаться пол-

ностью.

Он сварил кофе, из холодильника достал полторалитровую бутылку «Фанты» – сейчас от спиртного им обоим полезно воздержаться.

Банник лежал на диване с открытыми глазами.

– Вздремнул? Ну и отлично. – Баринов поставил поднос на стол. – Поднимайся, наливай, рассказывай – как дошел до жизни такой.

Расстались они, как говорится, «при своих». Довольно мирно и без особой напряженности, как коллега с коллегой после обычного научного разговора. Правда, от обсуждения многих моментов Банник по-прежнему уклонялся, но это дело житейское – куда же он свою природную «сучность» денет? Его надо принимать таким как есть... или не принимать вовсе.

Обед в столовой подали вполне качественный, особенно неплох оказался тушеный кролик. И обслужили на уровне, как начальство положено – отдельный столик, официантка, льняная салфетка...

Прогулявшись по пустынным аллеям – рабочее время, как-никак! – Баринов направился к себе «домой».

Помнится, кое-кто из его знакомых всерьез утверждал, что под алкоголем работается раскованнее, лучше и продуктивнее. Упор делался на поэтов да писателей, художников да актеров, а также ученых и изобретателей. На творческую личность, словом.

Баринов не спорил, лишь хмыкал скептически. Допускал с натяжкой, что актерам – может быть. И то, ежели стакан-другой перед выходом на сцену выводит их на определенный кураж. Трудновато без куража натурально изобразить Отелло или Турандот, Катерину или Фигаро, Офелию

или Чацкого.

Для остальных же... Винцо да водочка иногда способны, конечно, полету фантазии, поэтому идею, сюжет, мысль подарить могут. Однако подшофе длительную, довольно нудную и кропотливую работу едва ли сделаешь нормально, как положено. Киркой и лопатой – куда ни шло, а «Войну и мир» или «Онегина» напишешь едва ли. А уж «К вопросу о функции ретикулярной формации головного мозга» – тем более...

Поколебавшись, Баринов убрал на место коньяк, достал бутылку «Посольской». Надираться нужно водкой, а лучше спиртом, но не коньяком, и тем паче не вином или пивом. И не рюмками, а стаканами.

Алкоголь – штука универсальная. Если вывести за скобки негатив, многое может – и утешить, и поддержать, и направить, и успокоить... и кое-что еще. Одного только никогда не даст – верного решения проблемы. И все же, и все же...

Он плеснул в стакан на три пальца.

Ох, мягко стелет Николай Осипович! Ох, мягко!..

Пусть не к месту, но вспомнился вдруг некий прокурор из числа приятелей Сереги Щетинкина. Рассуждали на «четверге» на очередную «вечную» тему, и тот сначала отмалчивался, а потом сказал нервно и выстрадано, почему и запомнилось: «Никогда ни в чем не верь преступнику. Пусть он клянется кем или чем угодно, хоть богом, хоть сатаной, хоть мамой, пусть размазывает по харе слюни пополам с соплями

и ест землю – не верь! Лучше потом объясняться со следователем, чем с ключником Петром у небесных врат...»

Не этот ли сценарий сейчас разыгрывается? Тебя, Баринов, поматросят и бросят. В лучшем случае.

И все же, крути ни крути, а решать эту дилемму придется абсолютно однозначно: или работать или не работать.

Вопрос – на кого? Можно ведь, строго говоря, не на чужого дядю, на себя.

В запретные темы не лезть, сосредоточиться исключительно на «эффекте Афанасьевой-Банника». В конце концов, задета не только его профессиональная гордость и добросовестность. До сих пор подспудно преследует чувство вины перед Афанасьевой. Она ему доверилась, а он ничуть не облегчил, скорее, серьезно осложнил ей последний год-полтора. И теперь, после ее нелепой гибели, разобраться во всем его долг уже даже не столько как ученого, но просто человека.

Баринов с отвращением посмотрел на стакан, который так и держал в руке, не сделав ни глотка. «Пьянству бой – копейку в дом!» Встал из-за стола, выплеснул водку в мойку, смыл из крана... Нет, сейчас мозги требовали не этого.

«Динаму, значит?.. Ну-ну... Ладно, Николай Осипович, будет тебе динама». И не обижайся потом.

Он прошел в кабинет, сел в кресло. Вздохнул, потянулся за голубеньким скоросшивателем, который так и не стал убирать в сейф прошлым вечером.

Итак, вот он, предлагаемый план экспериментов. Но в таком виде он совершенно не годится. Поэтому первым делом его надо упорядочить и детализировать, вторым – развить и существенно дополнить.

Когда глаза начали слипаться, он придвинул к себе телефон.

«Так, домашние номера у них, вроде бы, с девятки», – и набрал почти наугад: девять – ноль-ноль-один.

– Слушаю, – почти сразу, после третьего гудка ответил нужный голос – Банник, видимо, тоже засиделся допоздна.

– Добрый вечер, Николай Осипович. Что звоню – предупредить, что с завтрашнего дня, то есть с субботы, ты спишь в лаборатории под моим присмотром. Такой вариант устраивает?

– Безусловно, – ответ последовал без малейшей паузы, словно был запланирован. – Долгополова озадачишь сам или мне подключиться?

– От тебя требуется одно – быть на месте в двадцать один час. – Баринов усмехнулся в трубку: – Для *очередного* *собеседования*... На этом все. Спокойной ночи, нормальных снов.

*См. роман «Сны во сне и наяву»

Глава 4

1

Неделя получилась плотной.

Давненько, весьма давненько не приходилось работать с такой интенсивностью и напряжением. Прямо-таки с ожесточением. Ну, случалось такое в студенчестве. И, пожалуй, первые годы во Фрунзе. Когда еще не приелась эта игрушка взрослых людей – наука. Когда еще любознательность хлестала через край, еще было запредельно интересно – а до каких таких жгучих тайн смогу докопаться лично я?..

Задача была поставлена – объяснить эффект Афанасьевой-Банника, и ее надо было решать. Причем, желательно – по понятным причинам – как можно скорее.

Оборудование имелось – наипрекраснейшее, наиновейшее и наисовременнейшее.

И Долгополов оказался ассистентом толковым и грамотным, даром, что заместитель директора. Инициативы не проявлял, но в качестве ведомого пришелся очень даже к месту. Правда, иногда слегка раздражал ярко выраженным стремлением к услужливости – такие и зажженную спичку вовремя поднесут, и креслице пододвинут, и за пивком сгоняют... Но информирован и знающ был в достаточной степени и, по-

лучив, видимо, соответствующие инструкции, охотно и исчерпывающе отвечал на все вопросы Барина.

На удивление, с самой лучшей стороны проявил себя старый знакомец Шишков. Расторопный, понятливый, исполнительный. С несколько замедленной реакцией, но это несущественно, работе не мешало... Помогали ему четверо лаборантов, все молодцы до тридцати. Молчаливые, внимательные, достаточно профессиональные, чем-то неуловимо похожие друг на друга. То ли спортивностью, то ли строгим и невозмутимым выражением лиц... Поначалу Барин специально приглядывался, но особой военной выправки ни у кого не заметил. И все же во внешнем виде принадлежность их к определенному ведомству чувствовалась. То ли в безликости, то ли в стандартности – бог разберет!.. Шишков в свое время каждого из них представил по именам, но, честно говоря, Барин запомнил плоховато, иногда путался.

Наличествовал, естественно, и подопытный – сам Банник собственной персоной. Кстати, относился он к своему участию в экспериментах спокойно и невозмутимо, как любой другой уверенный в себе подопытный, а уж их-то Барин насмотрелся. Вечером к назначенному времени приходил, утром, приведя себя в порядок, вежливо попрощавшись, уходил. И отличался от обычных «кроликов» и «морских свинок» одним-единственным вопросом на прощанье: «Павел Филиппович, сегодня я тебе буду нужен?»

Но в его дневном участии в настоящий момент необходимости не усматривалось. Пока ничего нового Баринов привносить не собирался. Он словно повторял пройденное, только ускоренно, на рапиде, заранее зная, что получит на том или ином этапе.

Черновая работа.

Существенно помогало, что имелся уже наработанный огромный, правда, бессистемный объем первичной информации. Тут были и самые общие, и узко специфические анализы конкретного *объекта*, километры энцефалограмм в состоянии сна и бодрствования, а также при воздействии на него алкоголем и галлюциногенами.

Баринов читал ленты самописцев и легко вычленял в биоритмах знакомые пички и тремор, флуктуации и аномалии...

«И повторится все, как встарь»... Только на другом, следующем витке спирали.

Всю эту неделю он дежурил в лаборатории, когда там, в шлеме цереброскопа, обвешанный датчиками, спал Банник. И ждал *того сна*. Почему было так важно самому зафиксировать этот момент, он и сам не очень отчетливо понимал, однако ждал.

Может, потому, что Банник до сих пор категорически избегал говорить о содержании своих *снов*. Таких же самых, что мучили Афанасьеву. А что они были такими же, Баринову стало ясно с самого начала, он эту мысль даже не подвергал сомнению. На соответствующих ЭЭГ Банника он сра-

зу же обнаружил шестую фазу. И если сравнивать с ЭЭГ шестой фазы Афанасьевой, которые Баринов помнил наизусть, то, не считая чисто индивидуальных отклонений, они были один в один.

И он ждал – вдруг Банник, разбуженный после *этого* сна, забудется и проговорится о его содержании... Зачем это было надо, Баринов тоже отчетливо не представлял, но почему-то был уверен, что информация будет далеко не лишней.

Но не везло, нужного сна не случилось.

А в субботу после обеда Банник зашел в его кабинет и сообщил с досадой:

– К сожалению, Павел Филиппович, придется на время прерваться. Я ведь, как ты знаешь, не только ученый, но и злобный администратор, и закоснелый бюрократ. Хочешь – не хочешь, а большое хозяйство требует постоянного присмотра. А тут в Красноярске очередные сложности. Ты уж извини, потерпи несколько дней, хорошо?

– Рванешь в Красноярск?

– Нет, в Москву. Объясняться надо тут, а в Сибири без меня управятся, кому надо хвосты накрутят.

С отъездом Банника он словно споткнулся на бегу, и ощущение это было не из приятных.

Не работалось. Вернее, работалось, но как-то наперекосяк, непродуктивно. Отчеты, протоколы экспериментов, ленты электроэнцефалограмм... вдруг все стало навевать ка-

кую-то вселенскую тоску. Сухо, пресно, безвкусно. Форменная жвачка, а живого дела не видно.

В довершение вдруг появилась бессонница.

Он теперь не засиживался за полночь, а как все нормальные люди заканчивал работу не позже восьми. Ужинал, смотрел программу «Время», полчаса прогуливался перед сном... Но как только за окном брезжил рассвет, просыпался и уснуть уже, несмотря на все усилия, не мог. А к химии прибегать очень не хотелось.

То ли на третье, то ли на четвертое подобное утро он вышел из коттеджа.

Ночью прошел дождь – спокойный, крупный, теплый. Такие дожди в народе называют грибными.

Сразу на крыльце почувствовалась утренняя летняя свежесть. Солнце только-только поднялось и еще не начало заметно пригревать. По-над землею стелился холодный влажный воздух, и, попав в его струю, Баринов невольно поежился. Прямо таки по песне: «Холодок бежит за ворот...» Помнится, пели в пионерском детстве.

И с удивлением вдруг осознал, что, вообще-то говоря, уже конец августа...

Баринов неторопливо вышел на центральную площадь.

Дворники, похоже, пошабашили. В дальней перспективе аллейки промелькнул, завершая свой маршрут, утренний патруль с могучей овчаркой на поводке. А жители коттеджей, пожалуй, еще и не просыпались. Спешить не прихо-

дится, до места работы – три минуты неспешного ходу. Это у тех, кто жил на территории. А тех, кто за оградой, из Москвы или из поселка, «вольняшек», как их с оглядкой и вполголоса называли, хотя какие они вольные, скажем так, *расконвоированные*, привозили без четверти восемь. Автобусы гуськом, минуя проходную, въезжали в сетчатый загончик, наподобие баскетбольной площадки, и пассажиры, предъявив пропуска у такой же сетчатой калитки, прогулочным шагом расходились по рабочим местам.

Территория, куда хватал глаз, была пустынна. Светла, чиста, уютна и пустынна.словно в одночасье человечество исчезло с лица земли, но оставило все, как было, нетронутым и не разоренным.

Он присел на скамеечку.

Позади парадный вход в административный корпус, впереди – бронзовый вождь мирового пролетариата на постаменте: вид со спины. Полы пальтишка порывисто взметнулись, кепка на затылке, правая рука революционно выброшена вперед... Баринов невольно усмехнулся, вспомнив анекдот, чрезвычайно похожий на правду – как перед главным зданием некоего райцентра стоял вождь вот в такой же позе, в левой руке комкал кепку, а вторая красовалась у него на голове. Долго стоял, может, десятилетия, пока какой-то дотошный зевака эту пикантную деталь не углядел и не озвучил.

...Ну да ладно, бог с ним, с вождем. Продолжим утренний

моцион. Вон по той аллейке, что ведет в сторону от коттеджей, Баринов еще не гулял.

Он не торопясь прошел метров двести-триста, и аллейка вдруг кончилась, почти упершись в стену из бетонных плит, которая, как он понимал, охватывала по периметру весь научный городок.

Баринов пригляделся – стена не достигала и трех метров, а в отдельных местах, там, где природой предусмотрены разного рода неровности в виде пригорков и ложбинок, даже поменьше. Скажем, два с небольшим.

Некогда он неплохо выпрыгивал над сеткой, ставя блок. Тренер хвалил.

Итак, разбежаться посильней, оттолкнуться, используя как трамплин вот эту лысоватую кочку, ухватиться за верх стены... Смотри-ка, с первого раза... А подтянуться труда не составит. Колючей проволоки вроде не видно, поверху из бетона битое стекло и бутылочные горлышки не торчат...

Ага, вот и сюрприз-объяснение. Охрана объекта ориентирована на защиту от несанкционированного проникновения, а не от побега. По ту сторону прямиком у стены ров, вернее, рукотворная лоштинка поболее метра глубиной, да с крутыми откосами. Так что вернуться тем же манером не получится...

Да и ладно. Есть ли смысл возвращаться? Надо – сами вернут.

Значит, так. Перво-наперво, выбраться на дорогу, голоснуть. Из ближнего Подмосковья, где бы он ни находился,

любой колхозный водила за стольник доставит в Сосновку. В карманах пусто, однако у родни перехватит... Или в Подольск, там тоже имеются родственники и знакомые... А дальше – война план подскажет.

Баринов осторожно сполз на ту сторону, повис на вытянутых руках. Еще раз через плечо пригляделся ко дну лощинки и, что есть силы, оттолкнулся от стены ногами. Удар оказался достаточно силен, но, как и положено, он завалился на бок в невысокую траву. Помнится, на первом занятии фехтовальной секции тренер сказал, оглядывая строй: «Оружие я вам, ребята, пока не дам. Пока мы с вами будем учиться грамотно двигаться и так же грамотно падать. В жизни такая штука всегда пригодится»...

Не без труда он поднялся по крутому откосу к зарослям ежевики. Не удержался, кинул несколько переспевших сизо-черных ягод в рот. Забытый вкус, черт дери!.. Впереди, метрах в трех, сплошняком начинались деревья, вроде как лесополоса. Придется продираться сквозь них, а там еще и подлесок.

Поднимая ноги повыше, Баринов сделал несколько шагов по сплошному ежевичному ковру и все же зацепился за какую-то плеть. Дернул ногой посильнее и запоздало увидел, что это не ветка, не стебель, а тонкая стальная проволока. Справа раздался негромкий хлопок. Подвела вегетатика: надо было ничком бросаться на землю, а не поворачивать голову на звук. По глазам ударила вспышка – белая, ярчай-

шая, словно сто тысяч сполохов электросварки. Она не только ослепила, она сбила с ног и даже на какой-то миг заставила потерять сознание.

Он пришел в себя лежа на боку, неудобно подвернув руку, и ничего не видел – в глазах вперемишку плавали темно-фиолетовые и багровые пятна.

«Только бы не пожгло сетчатку, – почти испуганно подумал Баринов. – Если не ожег, через несколько минут зрение восстановится... Но вот дадут ли мне эти минуты?»

Плотнее зажмурившись, он принялся энергично массировать лицо – лоб, виски, переносицу, скулы...

Очень, очень самонадеянно повел он себя. Как сопливый пацан-недоучка. Недооценил местную службу безопасности, ох, недооценил. Так глупо и бездарно напороться на элементарную растяжку! Хорошо еще, что фотоимпульсный боеприпас, а не, скажем, противопехотная мина или обыкновенная «лимонка». Хотя конечно, убивать потенциального нарушителя в данном случае совершенно необязательно, достаточно парализовать взрывом световой гранаты. Подходи – и бери его, тепленького, голыми руками... Зря, очень зря он не стал в свое время слушать Арзыбова о системе охраны «объекта».

– Эге! – раздался откуда-то сверху негромкий голос. – Да это, похоже, наш товарищ директор!

Конфуз, в общем-то, случился изрядный.

И что больше всего было по самолюбию, никто его так и не спросил – а какого рожна врио директора режимного НИИ понадобилось рано утром, тайком, перелезть через забор этого самого режимного НИИ?..

Два охранника заботливо помогли встать, отряхнуться от всякого мусора, даже дали хлебнуть подкисленной лимонным соком воды из фляжки... Зрение к тому времени практически восстановилось, и Баринов разглядел на верху стены третьего, который прилаживал там веревочную лестницу вроде корабельного штормтрапа.

– Забраться сможете? – вполголоса спросил он и, увидев кивок Баринова, неслышно соскользнул на ту сторону.

Когда они вчетвером оказались на аллейке, кто-то из охранников, видимо, старший, не спросил, а предложил неуверенно:

– Может, в санчасть... Как вы?

– Нет-нет, спасибо! Лучше домой.

– И то верно, – легко согласился тот.

На пути они никого не встретили.

Перешагнув порог коттеджа, Баринов оглянулся. Трое крепких молодых парней в спортивных костюмах свободного покроя молча стояли на аллее, спокойно и серьезно смотрели ему вслед.

Явных последствий инцидент не имел.

Во всяком случае, ни в этот день, ни в следующий никто даже взглядом, или ухмылкой, или еще как-нибудь не намекнул, что он-де в курсе... Правда, и общался-то Баринов лишь с секретаршей, с Долгополовым и с Шишком и его ребятами.

И Арзыбов не объявлялся. Уж ему-то непременно доложили о попытке... не проникновения, конечно, на режимный объект, но, скажем так, «несанкционированного нарушения периметра». Или как там у них это называется.

По утрам Баринов бесцельно отсиживал минут пятнадцать в кабинете – вроде как отметился на работе, потом шел в лабораторию или в спецхран библиотеки. Вечером еще пару часов проводил за письменным столом у себя в коттедже.

А в четверг секретарша после традиционных слов приветствия сказала, слегка понизив голос:

– Вчера поздно ночью приехал Николай Осипович. – И на вопросительный взгляд Баринаова добавила: – Еще не появлялся.

– Очень хорошо, спасибо, Анна Сергеевна! – Баринов на секунду задумался. Пожалуй, встречу, после всего случившегося, лучше провести гарантировано наедине. – Я вот что вас попрошу: предупредите Николая Осиповича, что я иду к нему.

Кнопку Баринов нажал решительно и твердо, потому, наверное, и зуммер внутри прозвучал громко, требовательно.

Банник открыл дверь, и Баринов даже присвистнул.

– Что, Николай Осипович, бандитская пуля?

Банник потрогал кончиками пальцев левую скулу и скривился.

– До сих пор болит, зараза!.. Что, сильно заметно?

– Ну, я же как-никак медик! – усмехнулся Баринов. – Что стряслось-то?

– Мешок с кулаками в темноте с карниза упал!.. Ладно, пришел – заходи.

Прошли на кухню. Банник, похоже, заканчивал завтрак.

– Есть будешь?

– Нет, спасибо. От кофейку не откажусь.

– И какого хрена ты туда полез? – вполне добродушно спросил Банник, доставая вторую чашку. – Там за лесополо-
сой еще один забор из колючки, плюс другие разнообразные сюрпризы.

– Уже донесли?

– Не донесли, а доложили, – мирно ответил Банник и даже улыбнулся. – Кстати, водится у меня в знакомцах весьма высокопоставленный чин, который утверждает, что ни один здравомыслящий юрист никогда не станет считать побег из мест заключения криминальным. Тяга к свободе для человека естественна и моральна, стремление же наказывать

за нее, наоборот, безнравственно. Другое дело, что соответствующая статья Уголовного кодекса даже за попытку к бегству автоматически ужесточает первоначальное наказание. Грубо говоря, к оставшемуся сроку «довешивает» еще три года.

– Это намек?

– Констатация факта. Ладно, бери свой кофе, пошли в кабинет.

Здесь Банник подошел к громадному сейфу в углу, присел перед ним, заслоняя спиной от Барина дверцу, и достал из нижнего отделения небольшой кейс черной тисненой кожи. Молча положил его на столик перед Бариновым. Сам сел напротив.

– Бери, бери, это твое.

Баринов прихлебнул остывающий кофе, прищурясь, посмотрел на собеседника, не торопясь откинул крышку.

Вот уж чего не ожидал, так не ожидал... Сердце невольно сделало перебой.

Сбоку на дне сразу бросились в глаза – его часы «Электроника» с металлическим браслетом, зажигалка, початая пачка «Интер», расческа, выстиранный и выглаженный носовой платок. Все то, что было при нем, когда его в бессознательном состоянии волокли в машину на даче у Сергея. Рядом, придавив три пухлые большие конверты, лежал его любимый бумажник, подарок Лизы на десятую годовщину свадьбы. Но он-то оставался дома, как помнится, во внут-

реннем кармане пиджака от рабочего костюма...

Еще несколько мгновений Баринов смотрел внутрь, потом поднял голову.

– Там, в конвертах, – Банник небрежно шевельнул пальцем в сторону кейса, – документы: паспорт, партбилет, трудовая книжка... ну и все остальное – выписка из приказа, дипломы, удостоверения... Разберешься. Ну и деньги – зарплата за август, командировочные, сверхурочные, премиальные, за выслугу, за степень, безводные, высокогорные, за удаленность... Половина аккредитивами на предъявителя, половина наличными.

Надо было что-то сказать, но на ум ничего не приходило. Даже спросить прямо, в лоб, что все это значило, у Баринова не хватило духа. Может быть, смалодушничал, боясь разочарования, как честно признался сам себе, а может, просто не хотел показать Баннику своей радости, своего торжества по поводу окончания заключения. Ничего, эта сволочь обойдется, перетопчется и не облезет!.. Все ж таки не по его вышло, и не добился он ничего, как ни пытался, как ни пыжился, как из кожи вон ни лез...

Поэтому Баринов просто сидел и изо всех сил старался как можно более равнодушными глазами смотреть на Банника. Просто ждал, что последует далее.

– Ладно, Баринов, можешь не благодарить... Ты же любишь налегке путешествовать, не так ли? Значит, личные вещички упакуй, через недельку их тебе туда, во Фрунзе, до-

ставят. На квартиру, я имею в виду. А тебя как, сразу в Домодедово или в «Университетскую»?

– А это тебя не слишком обременит? – Баринов закрыл кейс и снова взял в руки чашку.

– О-о, нет-нет, нисколько, не извольте беспокоиться, милостивый государь! – Банник даже поднял руки вверх. – Ваше удобство – превыше всего!.. И все же усиленно рекомендую задержаться на пару деньков в первопрестольной, пообвыкнуться в новых-то условиях. Осмотреться, поразмышлять на досуге.

Баринов удивился, такого Банника он видел впервые. Оказывается, он может ерничать и фиглярничать. Да-а, многогранна личность человеческая, даже такая подлая и беспринципная.

– Ну что ж, может ты и прав, пусть будет «Университетская», – слегка задумавшись, согласно кивнул он. – Да вот только я сижу и гадаю – какую еще подлянку ты мне подготовил? А конкретно – я хотя бы до гостиницы-то живой доеду?

Банник театрально встал в позу – даже вытянул руку по направлению к Барinovу и торжественно продекламировал:

– «Послушай, Денисов Иван! Теперь ты не егерь мой. Приказ уж по роте дан, можешь идти домой»*.

Нет, определенно с Банником что-то случилось, и довольно серьезное. Эдакая резвость и веселость из него полезла, прямо-таки кавээнная. И что-то близкое к благодушию так

и прет из всех дырок... Уж не связано ли это с отметиной на морде?

– И откуда такой альтруизм?

Банник усмехнулся.

– Дружка своего новосибирского благодари. Такую волну поднял!.. Да, кстати, советую подождать до утра. Сегодня в двадцать один ноль-ноль Москвы дадут по межгороду Киргизию. На твой домашний телефон.

Ай да Борис, ай да молодец! Нет, ребята, хорошо иметь настоящих друзей. А уж если они еще вдобавок люди влиятельные... Спасибо, Боря, искреннее спасибо!

Баринов отставил недопитую чашку и поднялся.

– Ну что ж, Николай Осипович, гранд мерси за хлеб-соль, за доброту и ласку. Будешь у нас на Колыме – заглядывай.

Банник сидел, вальяжно развалившись на диване, улыбался туманно, и добродушно кивал в такт его словам. А когда Баринов, подхватив кейс, направился к выходу, сказал ему в спину:

– Павел Филиппович, *будь ласка*, тормозни на минуточку. Давай уточним. Твоя Запевалова родом из Красноярского края, не так ли?... Нашли мы ту деревеньку. И родственничков её тоже. Пообщаться с ними не желаешь?

Баринов остановился в дверях и обернулся.

– А с какой стати? Что мне это даст того, чего я не знаю?

– Да как тебе сказать... Вдруг от этого тандема Запевалова-Афанасьева ниточка протянется.

Лишь секунду Баринов колебался, потом решительно развернулся и снова сел напротив Банника.

Что значит, «ниточка протянется»? Куда – вперед? назад?.. Уж не на Артюхова ли он намекает? Или... или он натолкнулся на что-то, связанное непосредственно с Марией Запеваловой?.. Уйти сейчас и потом изводить себя в догадках...

– Так я тебя слушаю, – прервал он затянувшееся молчание. – Что там о родственниках-то...

– Да-да, – закивал Банник и снова улыбнулся туманно. – Тюхтетский район, деревня Коростылево, четыреста верст от Красноярска. По масштабам края – почти рядом. Семенихина – по мужу, в девичестве Запевалова. В той деревне половина Коростылевы, половина Запеваловы. Нашли брата, двух сестер, племянников. Кое-кто ее вспомнил и из соседей.

– Ну! Ну! И – что?

– Не нукай, не запряг!.. Ладно, Павел Филиппович, не стану тебя томить. Её почему замуж на заимку отдали, за раскулаченного, за врага народа? Она даже в девках пересидела, свои-то не брали. Считали порченной, с детства умом тронутой. *Сны* она видела.

– Какие сны? О чем? – Баринов подался вперед.

Банник неторопливо пожал плечами.

– Да кто ж такое будет помнить? Правда, дедок один, чуть ли не ее одногодок, рассказал, – странные, мол, сны:

о чужих людях, о чужих краях... На тигров охотилась верхом на слоне, на маленьких долбленых лодочках в океане плавала, с какими-то волосатыми людьми сражалась на палках... Дети обычно друг другу страшные сказки рассказывают, да все про леших, кикимор и домовых, а она – свои сны. Сойдутся кружком и ей: «А ну-ка, Машка, давай еще что-нибудь про диких людей!»... Я потом, если хочешь, отчет той группы, что на деревеньку вышла, дам почитать.

– Значит, эти сны она начала видеть в очень раннем детстве... – медленно и негромко, словно для себя одного, проговорил Баринов.

– Похоже, что так, – кивнул Банник.

– Значит, тандем Афанасьева-Запевалова – два звена одной цепи. И это, можно сказать, почти доказано... А теперь, – Баринов остро взглянул на Банника, – а теперь давай кончать игру в жмурки! Ты, лично ты – нашел своего предшественника? Чья личность сидит в тебе? Чьи жизни ты видишь в *своих* снах?

Но Банник оставил его вопросы без ответа. Он словно бы даже не заметил их. И голос его стал вдруг тверд и сух, без малейшего намека на эмоции. Словно бы не он только что устроил почти балаган.

– А теперь слушай сюда, Баринов... Мы с тобой сейчас владеем фактами, которые позволяют утверждать абсолютно достоверно, что мозг человека обладает функцией как передатчика, так и приемника. Стоп! – Он предупредительно

поднял руку. — Я знаю, ты хочешь возразить — они, мол, не задокументированы по всем правилам, следовательно, не могут служить доказательством. А я отвечу следующим образом — оно нам надо? *Нам с тобой* еще какие-то доказательства не нужны, мы *знаем*, что это так.

— Н-ну-у, предположим, — осторожно сказал Баринов, не понимая, куда клонит Банник.

— Так на кой хрен, извини, нам заботиться о поиске для какого-то неведомого дяди каких-либо еще доказательств?

— И что?

— То самое! Нам с тобой не нужен никто. Что знают трое — то знает свинья!.. А теперь, прежде чем мы расстанемся, изволь выслушать мою концепцию эффекта Афанасьевой-Банника...

– ...Итак, наработанные нами факты позволяют утверждать, что личность с высокой степенью вероятности имеет модульный характер, и отдельные модули могут существовать независимо друг от друга. Мало того, они могут существовать обособленно даже от личности, другими словами – вне носителя этой личности: его физического тела. Но не просто в каком-то абстрактном пространстве, а в составе другой личности, в другом физическом теле. Мало того, в одной оболочке-носителе по каким-то причинам могут вдруг оказаться две личности, более или менее уживающиеся друг с другом. Но по логике – где две, там и три, и четыре, и десять...

Баринов помотал головой.

– Послушай, Николай Осипович, ты не на симпозиуме! Давай попроще, попонятнее, на уровне домохозяйки. Что за модули? Что за личность? Что за абстрактное пространство?

– Не требуй от меня отточенных формулировок и научных терминов. Будем пока объясняться, как ты правильно заметил, на уровне домохозяек.

– Хорошо. В таком случае – что ты понимаешь под личностью? – осторожно спросил Баринов. Конечно, вопрос не главный в этой ситуации, но принципиальный. – Душа?

Сознание? Разум?

– Вопрос, конечно, интересный, но пока неуместен, – отрезал Банник. – Философское словоблудие способно «замотать» любые проблемы, вывернуть наизнанку любые факты. Придумывать термины и оттачивать формулировки представь демагогам от науки. Там, куда мы с тобой вторгаемся, еще нет ни понятий, ни терминов, ни определений. В понятие «личность» мы с тобой вкладываем примерно одинаковый смысл, пока этого достаточно. «Личность» – это то, что в бытовом плане есть понятие «человек».

– Н-ну, допустим... А что дальше?

– Под личностью человека я понимаю и душу, и сознание, и разум. Как они объединены в соответствующий модуль, предоставляю выяснять следующим экспериментаторам. Пока рассуждаем на самом примитивном уровне: тела, мол, состоят из молекул, молекулы – из атомов, атомы – из ядра и электронной оболочки. Какие там конкретные законы работают – сильное взаимодействие, слабое взаимодействие – какие там конкретно механизмы задействованы, прояснится в будущем... Мы же тобой принимаем априори – личность материальна и четко структурирована. И материальна в том смысле, что ее можно обнаружить, зафиксировать, измерить. Как – другой вопрос. Ни обнаружить, ни зарегистрировать биополе мы пока не умеем. Понятно, что существующими приборами это не сделать, Ну, скажем, каким образом в микроскоп разглядеть секунду? Или при помощи

вольтметра определить величину гравитации?

– По-моему, ты слишком механистически подходишь к этому вопросу.

– Опять ярлыки? Чтобы ты был доволен: я – стихийный материалист. Что вижу – о том пою, все остальное пусть катится колбаской... Но продолжим. Прими личность как материальный сгусток некоего поля. Если хочешь – концентрированную эманацию, организованную субстанцию. Поскольку она может существовать лишь в качестве некоторых сгущений в особом, биологическом поле, то, естественно, может в этом поле перемещаться – по своим законам. Возможно, взаимодействовать с такими же сгустками, назовем их для простоты «мыслеформами». А дальше – снова аналогия.

Банник помолчал, глядя на Баринова. Тот спокойно и почти равнодушно ждал продолжения. Банник усмехнулся недобро.

– Понимаю, за эти мысли вслух ты меня сейчас с пуговицами съешь. Со шнурками, и с подметками. Однако, рискну... Итак, между двумя электрическими зарядами всегда возникает определенное взаимодействие: одного знака отталкиваются, разных – притягиваются. Пока они жестко закреплены, видимого эффекта нет. Но стоит освободить один, как он начинает двигаться. Это – закон природы, и не нам спрашивать, почему так происходит. А если точечный заряд вдруг оказывается в суммарном поле многих зарядов? Естественно, он начинает перемещаться в сторону более сильно-

го... Конечно, эта аналогия крайне вульгарно отражает процесс перемещения «мыслеформы» в пространстве, а может, и во времени, и все же... Напряженность «биополя» каждого разумного индивидуума различна, мало того, в зависимости от множества причин она может разниться на протяжении жизни, или более мелких отрезков времени. Скажем, в течение дня.

Так вот, «мыслеформа», высвобождаясь при летальном исходе ее носителя, устремляется по силовым линиям общего биополя к большему по величине заряду, носителем которого может быть любой из индивидуумов данной популяции. Возраст и пол, очевидно, особой роли не играет. На притяжение «мыслеформы» играют другие факторы. Можно, скажем, допустить, что возраст еще как-то определяет величину заряда психоэнергии... И вот, при определенных условиях происходит взаимопроникновение этих «мыслеформ». Допустим, возрастное развитие личности как-то препятствует проникновению в ее мозг чужой «мыслеформы», может, внедрение возможно лишь до определенного момента в развитии личности. Не в физическом плане, а в ментально-психическом. Скажем, пока личность не перешла некую границу накопленных знаний. Скажем, пока ребенок не научился читать. Или – пока не научился сознательно узнавать окружающие предметы. Или – пока не овладел основами интегрального и дифференциального исчисления... В связи с этим представляется очень интересным механизм внедре-

ния «мыслеформы». Ну и, конечно, механизм передачи. Он должен проходить, практически, мгновенно, а представь, какой гигантский объем информации необходимо при этом передать!

Получается что-то вроде сжатого сигнала-импульса... Снова аналогия: в шпионских книжках пишут о спрессованных импульсах, которыми обмениваются разведчики со своим центром, и, по-моему, в сеансах связи с межпланетными станциями применяются подобные методики...

– А на поверку – все та же реинкарнация, – вздохнул Барinov. – Если отбросить словесную шелуху, в переводе на русский язык... Ты не думал, что реинкарнация, как ее понимают оккультисты, требует определенного, однако все же ограниченного количества «душ», которые последовательно переселяются из одного тела в другое? Получается – сколько тел, столько «душ». Но человечество растет в численности – так откуда берутся новые? Может, где-то находится некая фабрика по их производству? Или не все ныне живущие обладают этими самыми «душами», или же «души» все же закладываются вместе с новыми телами?

– Павел Филиппович, не уводи в сторону. Пожалуйста. – Банник даже поморщился. – Реинкарнация – красивая и трогательная сказочка, сочиненная человеком себе в утешение. Но она основана на реальных фактах, согласен?.. Поскольку личность – продукт высокоразвитого мозга, допускаю, что «подсадка» личности «А» к личности «Б», скорее, па-

тология, чем закономерность или правило... А может быть, необходимо рассматривать этот процесс как естественный, предусмотренный природой как один из способов сохранения вида – передачей другому индивидууму накопленной информации. В частности, главной – момента смерти. Как предостережение своему преемнику.

– Послушай, Николай Осипович, – усмехнувшись, сказал Баринов. – Тебе самому-то вся эта бредятинa – как?.. Личность «А», личность «Б»... – передразнил он Банника. – Тогда уж проще, как в задачке из учебника арифметики Киселева для шестого класса: «Рабочий «А» берет в руку «Б» лопату «В» и подходит к куче «Г»...

– Афанасьева «помнила» жизнь не только своей непосредственной предшественницы, Марии Запеваловой, но и многих других людей... Это значит, что некая личность «номер один» передала свой модуль «номеру второму», «номер второй» – «номеру третьему», дополнив его своей информацией. Третий – четвертому, четвертый – пятому и так далее. Обрати внимание, твоя Афанасьева вспомнила не более полутора сотен снов, и часть из них повторялась. И из них можно достаточно четко выделить нескольких десятков, как ты говоришь, «чужих жизней». А это свидетельствует о том, что не всякий мозг может сформировать свой собственный модуль своей собственной личности. Ты же сам признал, что все сны кончаются очень непростой, можно сказать, экстремальной ситуацией. Она-то и провоцирует образование это-

го самого модуля. Если человек тихо-смирно угасает в своей постели, ему просто нет необходимости делиться этой информацией с приемником.

– Н-да, фантазия у тебя богатая. Можно сказать, роскошная... Значит, мозг не только передатчик, но и приемник с магнитофоном. Так сказать, радиокомбайн.

– А если по существу? Что можешь возразить?

– Не знаю, не знаю, – пробурчал Баринов и поморщился, словно от зубной боли. – И готов скорее поверить, что свихнулся я сам, но не мир вокруг меня... Один мой приятель, правда, разрабатывает гипотезу о «биологическом» поле всего живого и о «ноополе» разумных существ. У него схожая концепция: личность или «модуль личности» способны существовать как одна из структур этого «ноополя». Скажем, как сгусток... или матрица... Тебе бы с ним пообщаться, очень разнообразно провели бы время. Может даже с пользой.

– Нам не нужны посторонние, – сказал, как отрезал, Банник. – Так что, давай без истерик, дорогой Павел Филиппович! Без истерик. Не свихнулся ни ты, ни мир вокруг тебя. Договорились?.. И в теорию лезть не будем, займемся исключительно практикой.

– «Теория без практики мертва» – говаривал доброй памяти Александр Васильевич Суворов. Но и практика, не подтвержденная теорией, тоже мало чего стоит.

– Да ничего подобного, – возразил Банник живо. – На-

ши предки понятия не имели о законе всемирного притяжения, однако силу тяготения Земли использовали – о-го-го как умело!

– Ну, ладно, – устало сказал Баринов. – Твоя концепция понятна. И чем лично ты намерен заняться дальше? Помнится, лишь один человек смог провести себе аппендэктомию**. А уж копаться в собственных мозгах не придет в голову никому, извини за каламбур. Даже с целью ее подтверждения.

– А у меня нет другого выхода, – негромко произнес Банник.

Баринов остро взглянул на него. Нет, Банник говорил совершенно серьезно, без всякой рисовки или бравады... И ответить-то ему нечего!..

Затянувшуюся паузу прервал Банник.

– А теперь вали отсюда, Баринов, по-хорошему. Будь здоров, счастливого пути, дорожка бархатом! Провожать не пойду. Я пока затворником побуду денек-другой. Понимаешь, неохота перед всяким разным красоваться битой мордой.

*Банник неточно цитирует «Песню об отпускном солдате» Н. Тихонова.

**В 1961 году врач-хирург Леонид Рогозов на станции «Новолазаревская» в Антарктиде выполнил себе операцию аппендэктомии – удалил червеобразный отросток – ап

пендикс. Впоследствии был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Глава 5

1

Подходила к концу третья неделя исчезновения Павла, но по большому счету ничего так и не прояснилось. Лиза ясно отдавала себе в этом отчет.

Хождения в горком, в ЦК, в Академию, в КГБ, прокуратуру и МВД практически ничего не дали. Ее выслушивали, просили написать очередное заявление, иногда даже понимающе кивали, выражали сочувствие, советовали набраться терпения – дело-то непростое, требует времени... И вообще, как только станет хоть что-нибудь известно, ее непременно известят. Пусть Елизавета Ильинична мужается и не падает духом, все непременно прояснится в самые ближайшие дни, в крайнем случае, недели...

В институте ректор пошел навстречу, освободил от работы с абитурой, и она целиком и полностью могла заняться хождением по присутственным местам.

Но со временем кое-кому ее настойчивость уже стала надоедать.

В Комитете госбезопасности на третий раз вообще дальше вестибюля не пустили.

А в партийных и академических кабинетах стали попро-

сту уклоняться от общения. Приходилось подолгу сидеть в приемных и зачастую уходить ни с чем. Если же избежать встречи высоким лицам не удавалось, ее всё откровеннее стали переадресовывать в милицию, в прокуратуру. Мы, мол, необходимые справки навели, запросы сделали, и результаты вам известны. А непосредственно розыском людей не занимаемся, не наша это обязанность. Что можем – делаем, а больше – извините... В МВД и прокуратуре пока терпели, но и тут принимали с видимой неохотой.

Еще тревожило молчание Бориса Омельченко.

Последний раз он звонил из Москвы, неделю назад. Сказал, что добился приема у руководства союзной Академии, обещал через пару дней сообщить подробности. И вот – исчез с горизонта... Нет-нет, торопливо поправила она себя, не исчез, а просто не звонит. В первый заход не получилось, делает второй, а пока не хочет расстраивать отрицательным результатом. Непременно свяжется с ней или с Сергеем в самые ближайшие дни... Господи, не пришлось бы разыскивать еще и его!

Два раза домой приезжал Салиев, рассказывал, что принимает он лично по академической линии – здесь, в Киргизии, и в Москве. В первый раз скупно пересказал разговор с «человеком из органов», который потребовал у него заполненное командировочное удостоверение на имя Барина – в распоряжение Президиума АН СССР. Передал ей выписку из соответствующего приказа по институту... Больше всего

беспокоило то, что, как ответили ему в управлении делами Президиума, с просьбой командировать Павла никто от них не обращался.

Поскольку стесняться и комплексовать тут не приходилось, все средства должны идти в ход, Лиза перелистала записные книжки мужа, телефонные справочники, выписала полтора десятка имен более или менее влиятельных и высокопоставленных его московских знакомых и коллег. Принялась обзванивать.

Первой реакцией, конечно, было недоумение, удивление, даже негодование – кто посмел? как посмел? да я сейчас позвоню!.. Найдем, непременно разыщем, Елизавета Ильинична! Мое вам понимание и сочувствие, Елизавета Ильинична, и всяческая поддержка и помощь!..

Но однако ж до чего они все похожи, до чего поднаторели в таких играх-ситуациях! При других обстоятельствах можно было просто-напросто диву дивиться. Потому что спустя минуту-другую, видимо, осознав, что здесь действительно что-то не так, или почуяв возможную лично для них неведомую опасность, тон сбавляли, а негодующие формулировки смягчали. Кто резко, кто на тормозах. В зависимости от ума, опыта и сообразительности, общей и частной информированности, но необязательно от высоты положения... Обещали перезвонить, как только узнают что-либо определенное, да только пока ни от одного она телефонного звонка не дождалась.

Ежевечерне на несколько минут забежал Щетинкин. У него тоже как-то не вытанцовывалось.

Поначалу он был полон сдержанного оптимизма, заручившись пониманием и поддержкой высоких чинов МВД – тех серьезно привлекла реальная возможность насыпать немного соли на хвост коллегам из «конторы»... Но дни шли, понимание и сочувствие оставались на прежнем уровне, а вот стремление помочь постепенно испарялось, становясь все сдержаннее.

Буквально днями замминистра, неловко отводя глаза при очередном визите, сказал ему с заметным усилием:

– Знаешь, Сергей, похоже, пустышку тянем. В смысле, ничего не получается. Мне вчера там, наверху, оч-чень прозрачно намекнули, чтобы я больше твоим Бариновым не интересовался. И чтобы как звать забыл.

– Понял тебя, – Щетинкин поднялся и протянул ему руку через стол. – Обиды не держу, Темир, понимаю. Но если вдруг что всплывет...

– Конечно, конечно, Сережа! Мы все ж таки свои люди как-никак...

Разговор случился тягостный. И замминистра было неприятно, и Щетинкин чувствовал определенную неловкость – ничего хорошего, если человек пытается оправдаться за других.

Людям вообще, а особенно в чинах и при должностях, свойственно стыдиться того, что кто-то где-то его унизил,

пригнул... пусть даже с глазу на глаз, пусть даже и чином, и должностью повыше. А уж признаваться в этом, тем более хорошим приятелям, почти друзьям – ну совсем уж невыносимо. Иногда даже так случается, что и приятельские отношения после этого как-то гаснут, сходят на нет.

Заместитель же республиканского прокурора на руководство ссылаться не стал, но нашел другую причину отстраниться.

– Не могу я дело возбудить, как ты требуешь! – с заметным раздражением сказал он при очередной встрече. И чувствовалось, что раздражение он направляет не на кого-то постороннего, а на самого себя. – Поверь, Сергей, не могу! По факту исчезновения дело открыли в первый же день – в установленном порядке, согласно законодательству. А другого, по-серьезнее, извини. Сам должен понимать: нет тела – нет дела. Оснований не имеется.

– А свидетельские показания?

– Ты видел, как убивали, или, на худой конец, причиняли тяжкие телесные?.. А по поводу похищения человека в нашем Уголовном кодексе и статьи-то нет.

– Значит, научились наши у гангстеров бочки с цементом в реке топить. А вам и крыть нечем, по таким эпизодам уголовные дела не возбуждаются. Я правильно тебя понял? – спросил Щетинкин.

Прокурор хмыкнул неопределенно.

– Еще вопрос, кто кого научил – про бочки с цементом.

А в остальном – примерно так и есть...

Конечно, об этих разговорах Щетинкин Лизе ничего не рассказывал. И вообще, старался донести до нее лишь более или менее положительную информацию. Обнадеживающую, или, за отсутствием, нейтральную.

Но и скрывать серьезность ситуации он не скрывал.

– Мне определенно дали понять, почти открытым текстом: Паша жив и здоров, не нужно зря беспокоиться. А вот где он, зачем и почему – это, мол, компетенция совсем других органов. Но соваться в те дела мои информаторы категорически не намерены и мне не советуют... Ладно, на них свет клином не сошелся.

А вот о совместном походе с Игорем рассказал во всех подробностях.

...Сидели они в кабинете Щетинкина, прикидывали, какими еще способами можно узнать о судьбе Барина.

– Черт дери, прямо к цыганке какой обращайся! – в сердцах сказал он тогда.

Игорь помялся и осторожно напомнил об их «коллекции» гадалок, знахарей, ясновидящих и прочих лиц, обладающих экстрасенсорными способностями. И, как наиболее внушающего доверие, упомянул Коровникова.

Долго не раздумывая, поехали к нему, по дороге прихватили у Лизы из альбома фото Барина, на всякий случай.

Игоря Коровников знал плоховато, Щетинкина вообще видел первый раз и поначалу попытался от всего отнекивать-

ся – мол, и я не я, и лошадь не моя... И вообще об экстрасенсах только слышал, сам же он простой «травник», собирает лекарственные дикоросы, сдает в аптеки, ну, иногда кое-кого пользует, по доброте души...

Однако под мягким давлением сдался. Но заявил, что при всем уважении к Павлу Филипповичу все равно ничем помочь не сможет.

– Я ж целитель, не телепат какой-нибудь, не гадалка доморощенная...

– Врачеватель, значит, – задумчиво сказал Щетинкин.

– *Целитель*, – терпеливо поправил Коровников. – От слова «целостность». Я восстанавливаю целостность, полноту организма, а врач – врачует, лекарь – лечит... Разницу улавливаете?

– Ну что ж, извините, Василий Петрович. На нет и суда нет. Идемте, Сергей Валерьевич, – поднялся Игорь из-за стола, отставив чашку с душистым отваром, которым их угостил хозяин.

– Вот что я вам посоветую, – явно колеблясь и раздумывая, сказал Коровников, глядя на фотографию Баринова. – Раз уж считаете, что все способы хороши... Дам я вам адресок. Правда, сам Павел Филиппович, когда я его на ту гражданку вывел, только посмеялся, даже не стал заносить в свой кондуит. А вы сходите, может, что путное получится.

Отправил Коровников их действительно к цыганке, Вите Ионовне. Озабоченно попросил быть с ней повежливее,

не спорить, беспрекословно делать все, что скажет...

Жила она в Молдавановке, одном из самых криминальных районов города, в шикарном особняке красного кирпича, спрятавшимся за высоким глухим забором – только блестяла поверх него крыша из светлой кровельной жести, с затейливым флюгером на коньке.

Калитку в зеленых металлических воротах открыла сама хозяйка. Внимательным взглядом осмотрела сначала щетинкинскую «Волгу», потом их самих, кивнула и отступила на шаг, приглашая войти. И здесь же, во дворе, даже не дослушав, потребовала аванс – двадцать пять рублей, и непременно одной бумажкой.

– В руки не давай, вон туда положи и камушком сверху придави, – она указала на стол под навесом в глубине двора.

В дом прошли через заднее крыльцо, сразу попали в небольшую полутемную комнатку, всю увешенную коврами. Из мебели – только лишь посередине круглый полированный стол без скатерти, вкруговую пять стульев в белых полотняных чехлах.

Сели: Щетинкин и Игорь – бок обок, хозяйка – через стол напротив. Щетинкин достал из кармана фотографию, молча положил перед ней.

Цыганка мельком глянула на фото, взяла в руки, зачем-то понюхала, приложила обратной стороной ко лбу и замерла, прикрыв глаза.

Как ни пытался, ее возраста Щетинкин определить не мог.

Слишком размытый диапазон получался – от тридцати до пятидесяти. А то и больше... Лицо гладкое, холеное, без следа косметики, и губы не накрашены. Глазища громадные, в пол-лица. Руки – светлые, ухоженные, ногти без лака, но с маникюром, полированные. Одета на типичный цыганский манер – платок, цветастая юбка до пола, глухая плотная блузка с длинными рукавами, но кроме массивных серег и двух перстней с крупными камнями – никакого другого золота...

Наконец она положила фотографию на стол и посмотрела на них с тем же неподвижным выражением лица.

– Что хотите знать об этом человеке?

– Все, что можно, – ответил Щетинкин заготовлено.

Легкая улыбка скользнула по лицу цыганки.

– Думаю, ему не понравится, если *все, что можно*.

– Но он жив? – нетерпеливо спросил Щетинкин.

– Жив и здоров, если вы это хотите. – Она перевела взгляд на Игоря. – А его кровному родственнику я так скажу... В казенном доме он, и очень к своим рвется. Кровит душа его, плачет. Закрыли его не по его желанию, никуда не пускают. И запоры крепкие, и люди специальные стерегут. Только он пока и сам, куда идти не знает... Большой человек, ученый человек... Ест-спит хорошо, по лесу гуляет. Думает много, мечется в разные стороны своими мыслями. И сердце его никак не успокоится... Скоро известие от него придет, только его самого не скоро увидите. Потерпеть придется.

Щетинкин и Игорь переглянулись. Потом Игорь нерешительно спросил:

– А долго терпеть?

– Долго, касатик, долго. – Она отодвинула фотографию на их край. – А остальное у него самого спросите.

Щетинкин достал бумажник, вложил в него фото, спросил:

– Сколько мы вам должны?

– Самую крупную бумажку достань.

– Да у меня только десятки остались.

– А вот и хватит. Будешь уходить, туда же положи.

Щетинкин и Игорь поднялись. Хозяйка осталась сидеть, как видно, она и не думала их провожать.

Они были уже в дверях, когда цыганка сказала, не оборачиваясь:

– Как объявится, пусть ко мне придет. Кто-то темный разумом его завладеть хочет, на свою сторону перетянуть. Много темного и непонятного вокруг него, чужого, не нашего. Если поддастся – пропадет. Ко мне пусть приходит, помогу.

Между тем замаячил последний четверг месяца, день, когда обычно они с Павлом устраивали у себя своеобразные приемы.

И мысли возникали всякие. Готовиться ли к приему? Уместно ли это будет? Да и придет ли кто-нибудь?

Достаточно много людей, и не только из числа близких знакомых и друзей, знает, что Павел пропал. Звонят, спрашивают при нечаянных встречах, предлагают помощь.

Уже и слухи появились, как ей передавали, самые разнообразные, в том числе совершенно дикие и фантастические. Тайно развелся, просто сбежал, «увела» некая лаборантка из молодых да ранних, неизлечимо заболел и потому решил скрыться от людей, с согласия жены принял постриг и ушел в монастырь, арестован КГБ по обвинению в шпионаже и так далее...

Тайны из самого факта она не делала, лишь уточняла, что исчез он внезапно, не по своей воле и пока бесследно. Но об обстоятельствах говорить по телефону категорически отказывалась. При личной встрече – пожалуйста.

Очередным вечером посоветовалась с Щетинкиным. Тот долго не раздумывал.

– Пусть будет все, как при Паше, – твердо заявил он. – И запомни, Лиза, ничего страшного не произошло. Пусть

не мечтают, что мы все здесь раскиснем, упадем духом. Не дождутся, сволочи!

И в четверг с утра она целиком погрузилась в привычные хлопоты.

Приходящая домработница Наташа еще вчера сделала капитальную уборку, напекла свои фирменные пирожные-корзиночки... И сейчас, готовя бутерброды, неожиданно сказала:

– Елизавета Петровна, а вдруг никто не придет? А мы наготовим, столько продуктов переведем... Жалко ведь!

– Ничего, Наталья. Сядем за стол вдвоем, да поработаем за десятерых, – натужено пошутила Лиза.

...Народа, на удивление, объявилось много, вдвое, втрое больше обычного.

Раньше всех, ровно в пять, появились Щетинкины. Пока она и Сергей делились последними новостями, Марина быстренько оглядела гостиную, наведлась на кухню, переговорила с Наташей...

В свое время они познакомились через мужей и близкими подругами не стали, но достаточно друг другу симпатизировали. И сейчас Лиза от души была благодарна Марине, что та взяла на себя хлопоты приема гостей.

Правда, прежних вечеров ничего не напоминало. Люди шли, казалось, исключительно выразить сочувствие, узнать подробности, пообещать, что Лиза в любой момент может на них рассчитывать – помогут, чем могут! И каждый заве-

рял, что все обойдется, что в самое ближайшее время Павел Филиппович непременно объявится здоровый и невредимый, и все пойдет как раньше.

В числе первых оказалась Александра Васильевна. Она расцеловалась с Лизой, утешать не стала, выразила сочувствие, как могла, и отошла к Щетинкину, уступив ее следующим гостям.

– Послушай, Сергей Валерьевич, действительно все так серьезно?

– А ты как думаешь?

– А я думаю, что дюже погано. Наиль ходит как побитая собака, народ волнуется. Какие-то посторонние в институт повадились.

– Тебе-то, Александра, чего опасаться?

– У меня свой, шкурный интерес. До пенсии полтора года, я и дальше бы хотела работать. А тут, похоже, такая намечается ситуация...

– Какая такая ситуация? – не понял Щетинкин. – Ты исполняешь обязанности завлаба, тематика на год утверждена – ну и работай! Считай, что Павел в длительной командировке.

Вздыхнув, Александра Васильевна коротко пересказала свои новости.

Историю с исчезновением Барина, похоже, кое-кто решил использовать до упора. А Салиева назначили козлом отпущения. Вызывал его уже вице-президент, задавал непри-

ятные, щекотливые вопросы. Напрямик выразил недоумение – как вот так, без официального письма, без соответствующего запроса, пусть даже телетайпограммы, по одному желанию неизвестного гражданина директор института взял да выписал командировку своему сотруднику. А после этого сотрудник бесследно пропал... Ах, гражданин удостоверение Комитета госбезопасности предъявил? А кто это удостоверение, кроме самого Салиева, видел? Где гарантия, что оно действительное, не фальшивка? И какое право, пусть даже сотрудник органов, имеет приказывать директору НИИ системы Академии наук?.. Да и вообще, был ли мальчик? В смысле, был ли вообще тот гражданин? Может, Наиль Сагирзянович что-то перепутал или что-то существенное забыл?.. Словом, в очередной раз горела земля под ногами Салиева, прижигала пятки. А придет вместо него кто-то из валягов, как пить дать приведет свою дружину...

Щетинкин выслушал внешне спокойно, в некоторых местах даже улыбался иронически, крутил головой в знак удивления этой глупистикой. Постарался успокоить, хотя внутренне ее опасения разделил целиком и полностью. Даже подумалось невзначай, а не здесь ли собака зарыта, не есть ли это та самая подоплека, а Павел лишь *попал под раздачу*?

Александра Васильевна выразила сочувствие хозяйке, выговорила Щетинкину, получила от него необходимую порцию успокоительных слов, и незаметно, по-английски, исчезла.

Похожую тактику выбрали и остальные, никто долго не задерживался. Даже стол в углу гостиной, накрытый как обычно для фуршета, остался почти нетронутым.

Чередой проходили друзья, приятели, хорошие знакомые, коллеги... Марина с Натальей не успевали встречать, а потом и провожать гостей.

Случились и неожиданности.

Ближе к вечеру, например, появился Толен Момуналиев, ученый секретарь Академии, а в терминах Александры Васильевны «заклятый друг Барина». Поцеловал Лизе руку, сказал дежурные слова сочувствия, понимания и поддержки, выпил рюмку «Муската фиолетового» и отбыл восвояси. Намекнул своим визитом, что к исчезновению Барина никакого отношения не имеет. По крайней мере, все посвященные поняли именно так.

Заглянул на несколько минут второй секретарь горкома Ендовицкий, только что вернувшийся из Москвы после лечения. Он тоже никогда раньше у них не бывал, хотя с Бариновым они на самом деле дружны десяток лет, не меньше.

Некоторых гостей Лиза даже не знала. Как правило, это были бывшие пациенты Павла, прослышавшие о случившемся...

К десяти вечера, отпустив Наташу, они остались вчетвером.

– Ну что, Ендовицкий объявился, может, он что сможет, –

задумчиво сказала Лиза, переставляя тарелки с бутербродами с большого стола на журнальный. – Садитесь, ребята, перекусим. Лично я проголодалась, вы, я думаю, не меньше... Схожу к нему завтра с утра. Приглашал.

И, обращаясь к Марине и Игорю, принялась рассказывать, что местные партийцы ведут себя очень непонятно. Пропал без вести член городского комитета партии, а они лишь выслушивают, сочувствуют, туманно обещают разузнать подробнее, предпринять какие-то меры – но не более того. Что в горкоме, что в ЦК – независимо от занимаемого положения. А уж у кого она только ни была, разве что не стала добиваться приема у Усубалиева, первого секретаря. Она бы добралась и до него, только знакомые отсоветовали, шепнули, не стоит, мол. Ходят слухи, что у того большие неприятности в Москве, вот-вот отправят на пенсию, на «заслуженный отдых». Кого поставят вместо – ба-альшой вопрос. Словом, не надо тратить время и силы... Получается, на партийные круги надежды никакой. И вроде бы Баринов их номенклатура, а вот, поди ж ты...

Щетинкин сказал зло:

– Типичная наша практика: помер Максим – ну и хрен с ним!

– Но-но, Сергей, полегче! – поспешила оборвать его Марина.

– Да я не в том смысле, – стушевался Щетинкин. – Я в смысле, что по-настоящему, там каждый лишь о своей шку-

ре печётся! И вообще...

– Ладно, Сережа, не оправдывайся. Понятно, что ты совсем другое имел в виду, – сказала Лиза утомленно. – Давайте лучше подумаем, куда еще можно обратиться. Я намерена в Москву съездить, прямо на Лубянку. А параллельно – в Академию наук. Может, удастся пробиться к Александрову, на крайний случай – к кому-нибудь из вице-президентов.

Щетинкин махнул рукой.

– Шутишь? Какой там Александров! Боря Омельченко здесь, в Киргизии, к Акаеву пробиться не смог.

– Извините, – вступила в разговор Марина. – По-моему, ребята, вы зря рветесь к первым лицам. На самом-то деле сами они ситуацией мало владеют. Наша задача на сегодня – узнать, где Павел и что с ним. Раз вокруг него такая завеса секретности, значит, нужно действовать на уровне среднего, а лучше, самого младшего звена. Начальник штаба или командующий знает только то, что ему доложили, а вот их адъютанты, ординарцы, водители, прислуга – еще и все остальное... А уж потом, когда будет все доподлинно известно, добиваться освобождения нужно будет как раз у тех самых первых лиц.

– Резонно, очень резонно, – задумчиво проговорил Щетинкин. – Но это уже совсем другая тактика. Не на уровне официальных контактов, а исключительно на личных. А это гораздо тяжелее. И гораздо дольше по времени.

– Вот-вот, – подхватил Игорь. – Действовать придется

вроде как шпионам-разведчикам, а нас учили?

Лиза хотела что-то сказать, но в прихожей раздался звонок.

– Что за гость запоздалый? – удивилась она. – Игорек, открой, пожалуйста.

Сюрпризы вечера не закончились, впереди Игоря в гостиную вошел Омельченко.

– Ну, слава богу, жив-здоров, – выдохнула Лиза вместо приветствия, и поднялась навстречу. – Из Москвы?

– Оттуда, вестимо, – обмениваясь рукопожатиями с присутствующими и оглядывая гостиную, сказал Омельченко. – Вечерней лошастью... Что, все разошлись? Ну и отлично!

– Садись, пей, ешь, рассказывай, – Щетинкин пододвинул поближе бутерброды, налил коньяку. – У нас хвалиться нечем. Как у тебя?

Омельченко выпил, поднял с бутерброда ломтик сыра. Прожевав, сказал буднично:

– Вчера вечером состоялся у меня серьезный разговор с Банником в его московском логове. По поводу Паши, естественно. Меня заверили, что чувствует он себя нормально. Сделали его директором «хитрого» НИИ, поэтому вынужден следовать режиму. Освоится – свяжется с нами.

– Подожди, подожди... – Щетинкин непонимающе посмотрел на него. – Он, значит, в Москве?

– Где-то в Подмоскovie, в закрытом городке. Я так понял, сразу за «кольцевой».

– И что, согласился работать на Банника? После всего, что было?

– Как объяснил Банник, что было – это эксцесс исполнителя. Виновные наказаны, сам он приносит извинения. А Павел попал под соответствующее секретное постановление Совмина, согласно которому работы данной тематики должны вестись на закрытой территории, при полной изоляции персонала.

– И ты повелся на эту чушь? – взорвался Щетинкин. – Черт, поговорить бы мне с этим Банником – с глазу на глаз!

Неожиданно Омельченко рассмеялся – громко, во весь голос, и явно в разрез с настроением собеседников.

– Да уж, поговорил один... И не далее, как три дня назад, – пояснил он причину такой реакции. – Игорь, что затаился? Вылезай из уголочка, да поведай, так сказать, *urbi et orbi**, свои приключения и подвиги!

Игорь смутился. Он сидел поодаль и активности не проявлял. Впрочем, вспомнила Лиза, хотя он и пришел одним из первых, весь вечер старался не выделяться из общей массы, говорил редко и немногословно. Она еще тогда отметила, как непривычно видеть его таким – то ли подавленным, то ли очень уставшим.

– А что случилось, Боря? – она попеременно смотрела то на Омельченко, то на Игоря, ничего не понимая и вместе с остальными ожидая разъяснений.

Омельченко коротко хмыкнул и за явным нежеланием

Игоря что-то прояснить, начал сам.

– У НПО «Перспектива» недалеко от Курского вокзала размещается центральная дирекция, с типичным московским адресом – дом такой-то, корпус два, строение пятнадцать. На вид довольно стрёмный двухэтажный особняк типа «памятник архитектуры, охраняется государством». Зато внутри – о-го-го, по последнему слову... Ну и наш герой, – он кивнул в сторону Игоря, – каким-то образом об этом пронюхал, и ринулся на амбразуру... Ладно, эту историю я знаю от самого Банника, интересно выслушать и другую сторону. Итак, Игорек, валяй! Смелее, смелее, ну, как там, в Москве!

Но Игорь рассказывать не захотел.

– Ничего интересного, – сказал он, как отрезал. – Пробился я к этой сволочи, мотивируя, что ученик и сотрудник Павла Филипповича, и хочу знать, где он и что с ним. Банник повел себя... ну, неадекватно, что ли. Хамить начал. Я набил ему морду и ушел. Вот и все.

– ...А почему вас так беспокоит чужая судьба, пусть даже бывшего начальника, молодой человек? – Банник уже пожалел, что позволил этому юнцу отнять у него время. По докладам и служебным запискам он вполне имел представление о роли Игоря Лебедева в «Деле Афанасьевой». Особого интереса тот не вызывал – как источник информации, как работник, как ученый. Но стало любопытно – что он представляет собой как личность?

– Я его родственник и имею право знать, где он и что с ним.

– А кто вам сказал, что вы имеете на это право?

– Наши советские законы.

Банник с интересом посмотрел на него.

– Как, как? Какие такие законы?

– Обыкновенные, наши. Конституция, в конце концов!

Банник позволил себе улыбнуться. Нет, скажи, пожалуйста, встречаются еще в ученой среде, особенно в провинции, такие вот *наивняшки*, ну просто прелесть!

– «Милый, милый, смешной дуралей! Ну, куда, куда он ломится?»... Помните? Есенин, читали?.. Но это – лирика. А теперь суровая действительность: запомните, молодой человек, законы пишутся людьми – и исполняются тоже людьми, причем так, как этим людям надо. А Конституция... Плевал я на твою Конституцию, ты меня понял? А теперь – вон отсюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.